

Таня Зингер

• НАС •

НЕ СУЩЕСТВУЕТ

• сказки странных детей •

Татьяна Зингер
Нас не существует
Серия «Сказки странных детей»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21247537
Нас не существует : [роман] / Таня Зингер: Издательство АСТ;
Москва; 2016
ISBN 978-5-17-099848-7*

Аннотация

Наташа знает с детства, что привидений не бывает, русалки – красивый вымысел, а упыри водятся лишь в страшных сказках. И еще Наташа знает, что она самая обычная, а с обычными не происходит ничего интересного.

Но Кир, с которым она знакомится в заброшенной больнице, показывает Наташе другой мир, полный суеверий и сказок. В нем обитают невероятные, пугающие существа и раз в столетие цветет папоротник. Духи не терпят чужаков. Но когда лучший друг жертвует собой ради Наташи, она рискует всем, чтобы спасти того, кто по-настоящему ей дорог.

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	23
Глава 4	35
Глава 5	46
Глава 6	58
Глава 7	75
Глава 8	86
Глава 9	96
Глава 10	111
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Таня Зингер

Нас не существует

© Т. Зингер, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

*** * ***

Часть первая

Нас не существует

Глава 1

Знакомство

На смену дневной духоте пришла прохлада сумерек. Вдалеке слышался надрывный вой дворовых собак. От порывов ветра шелестела листва да скрипели несмазанные петли ворот. Лес обступал со всех сторон плотным кольцом.

- Давай же! – шипел Дима.
- Не получается! – пыхла в ответ Наташа.
- Трудно, что ли?!
- Сам бы попробовал!
- Я попробовал! А вот ты не можешь!

Так они и переругивались, пока Наташа подтягивалась на проржавевших погнутых прутьях, чтобы влезть наверх. С другой стороны забора поджидал пританцовывающий от нетерпения Дима.

Наконец, ноги нащупали опору, и Наташа, ругая весь белый свет, смогла усесться на ограде, словно наездница на лошади. Она мельком глянула на кажущуюся недостижимой землю и судорожно вцепилась пальцами в перекладину.

– Надолго застряла? – Дима скрестил руки на груди. – Слезай.

– Высоко, – захныкала Наташа.

– Ну!

– Не могу.

– Тогда сиди, сколько влезет, – фыркнул он, делая шаг в сторону.

Та взвыла от паники и неловко перевалилась через забор, приземлилась в заросли репейника. Колючие стебли с радостью приняли гостью в объятия. Дима с тяжким вздохом помог ей выбраться.

– Ну, ты и неуклюжая! Стоило бояться?

– Не знаю, – призналась Наташа. – Наверное, нет.

– Значит, обратно пролезешь без проблем. – Дима жуликовато подмигнул подружке.

Мысленно Наташа ужаснулась, но виду не подала. Тем временем Дима включил фонарик. По освещенной дорожке они прошли к двухэтажному зданию. То сиротливо стояло посреди пустыря. Призывно грохотала разбухшая от дождей входная дверь. В окнах зияли дыры. Козырек крыльца порос пушистым мхом. Под ногами попадались камешки и хрустели осколки стекла. Наташа трепетала сильнее с каждым новым шагом.

– Может, не надо? – спросила она у крыльца.

– Трусиха, – заключил Дима.

Сам он держался храбро, возможно, из-за того, что в ру-

ках его был фонарь – таким и прибить несложно, – а может, потому, что здесь часто бывали местные мальчишки и травили страшилки под треск костерка. Правда, раньше Дима сюда не ходил – побаивался. Но год назад, почувствовав себя взрослым и отважным, он рискнул познакомиться с местной достопримечательностью. Побродил по комнатам, засунул нос во все щели. Ничего особенного. Дом только казался пугающим, а на деле был обыкновенной покинутой развалиной. Дима был очень разочарован этим открытием.

Наташа не догадывалась о подвигах друга. Когда тот предложил посидеть в «заброшенной больнице», она испугалась, но согласилась. Очень хотелось новых ощущений, а то в городе их чрезвычайно мало. Дом да школа, школа да дом. Скука смертная!

А здесь, в деревне Камелево, каждый шорох звучал иначе. И дремучий лес словно выбрался из сказок: густой, темный, мрачный. Не хватало только сурового старичка-лешего, окидывающего путников недобрый взором.

Разумеется, старая больница представлялась чем-то сверхъестественным. Ведь так и начинаются ужастики: глухая местность, скрип петель, завывание волков. Последних не водилось, но собаки тоже завывали до нехватки воздуха в груди.

– Говорят, рядом с ней частенько пропадают люди, – уверял Дима, приглашая осмотреть больницу.

– И не находятся? – глупо бормотала Наташа, у которой

блестели от любопытства глаза.

– Не-а. Гиблое место, – и весело спросил: – Ну что, пойдем?

– Ага. – Наташа мужественно кивнула и ушла собираться.

Но теперь, когда больница находилась совсем рядом, былой задор пропал. За несколько минут окончательно стемнело, словно на небо опустили покрывало. Завывал пронзительный ветер, который забирался под тоненькую рубашку, трепал волосы и будто бы даже рассеивал свет фонарика. Жуть, одним словом.

Дима распахнул дверь и, издеваясь, пропустил испуганную подругу впереди себя.

– Аккуратнее, – назидательно проворчал он, когда Наташа ударилась о притащенное кем-то полено, и, чтобы нагнать ужаса, добавил: – А то духов разбудишь.

– К-кого?! – пролепетала Наташа.

– Умерших, Наташка, умерших. Тут, говорят, в пятидесятые годы людей... того...

– Чего – того?

Она насупила веснушчатый носик.

Дима направил фонарик себе в лицо, мастерски изобразил жуткую гримасу. И глаза чудаковато скошил – в разные стороны. Наташа задрожала. Ночная вылазка нравилась ей все меньше.

Дома с утра будут ждать блинчики со сметаной, а она... Друг она не вернется к ним? Так и сгинет то ли от страха,

то ли от чьих-то острых зубов. Никто и не узнает, куда подевалась невысокая рыжеволосая девочка. А все из-за чего? Из-за собственной глупости!

Нет, нельзя так.

Наташа на пятках развернулась к выходу.

– Я пойду!

– Только попробуй. – Дима преградил путь. – Назад дороги не найдешь, а я уходить не планирую – мы собирались пожарить шашлыки. Забыла?

Он похлопал по рюкзаку за спиной. В том лежали шампуры, маринованная курица, убранный в пакетик заботливой бабушкой Наташи, несколько огурцов и прочие, менее интересные предметы.

Мангал давно установила в одной из комнат деревенская ребятня.

– Не останавливай меня!

– А ты не трусь! – передразнил подругу Дима. – Идем. Нечего бояться. У нас есть свечи, фонарь, ножик. Уж защищу тебя от врагов.

«Да, только не от духов», – невесело подумала Наташа, но Дима схватил ее за ладошку и силой потащил вглубь коридора, а затем практически впихнул в небольшую комнатушку.

Разбитые окна в ней снаружи были забиты досками. За спиной почудился чей-то взгляд. Густая тьма застилала глаза, словно ребята очутились в пустоте. Убедилась в обратном Наташа уже тогда, когда споткнулась обо что-то железное –

по дребезжанию предмета и довольному вскрику Димы стало ясно, что она не только нашла, но и уронила мангал.

Друг торжественно вручил ей фонарик и, пока Наташа усаживалась на старую кровать с торчащими пружинами, поджег свечи выкраденной у отца зажигалкой.

– Нельзя так, – ворчала Наташа, обняв руками худые колени. – Люди тут страдали, а мы шашлыками балуемся.

– И что? Нам тоже страдать? – рассудил Дима. – Ай! Обжегся!

Он подул на кончик пальца.

– Это тебе духи мстят, – заметила Наташа. – Не играйся с ними.

– Эй, духи! – хохотнул Дима. – Я вас не боюсь! Поняли?

Произвести впечатление на наивную тринадцатилетнюю Наташу было делом несложным, поэтому теперь она замороженно рассматривала друга – экий храбрец! – а Дима того и добивался. Он любил бахвалиться перед подругой любой мелочью: и дыхание задерживал на несколько минут, и по деревьям лазал, и на спор речку переплывал.

– Поняли! – раздался ехидный голос.

Наташа от неожиданности подпрыгнула на кровати. Дима едва не выронил из рук горящую свечку. Мужества в нем резко поубавилось.

– Ты кто такой? – как можно спокойнее спросил он, обращаясь к дверному проему.

– Дух, кто ж еще, – продолжал язвить голос.

– Настоящий? – пискнула Наташа.

– Ага.

И тут на пороге появился сам «дух». Высокий, худой, светловолосый мальчишка, щурящийся от направленного на него Наташей луча фонарика. На вид он был возраста Димы. лет пятнадцать-шестнадцать, не больше. Рубашка на нем топорщилась и была мятая настолько, будто никогда не видела утюга. Незнакомец громко зевнул, точно его разбудили после вековой спячки.

– Ну и кто потревожил мою обитель? – с вызовом вопрошал он.

– Извините нас, дух.

Дима недобро глянул на подругу.

– Дурында, он такой же дух, как мы с тобой. Эй, ты, зачем притащился сюда на ночь глядя?

– Шашлыки собираетесь жарить? – вместо ответа полюбопытствовал «дух», потирая ладони.

– Угу, – хмуро согласился Дима.

– Значит, я притащился за шашлыками. Угостите?

– Нет, – начал было Дима, – самим не хватит...

– Разумеется, хватит, – перебила его Наташа, верно рассудившая, что два защитника лучше, чем один. – Вместе веселее будет. Я, кстати, Наташа. А это – Дима.

– Приятно познакомиться. Кир.

И новый знакомый расплылся в довольной улыбке.

Глава 2

Кто такие духи?

Наступил новый день. Такой же знойный, как и предыдущий. Все так же шел сериал по телевизору, и бабушка все так же протирала уголки глаз платочком в особо трогательных моментах. Может, за несколько часов ничего не изменилось?

С этой мыслью Наташа уселась делиться переживаниями минувшего дня с дневником. Он велся ею с начальных классов и был лучшим другом, который знал абсолютно все. Она никогда не выкидывала исписанные тетради, а убирала их на полку. Через несколько лет кроме старых ежедневников там больше ничего не помещалось. Мама все порывалась выбросить их или сдать в макулатуру, но Наташа не позволяла. Это память! А вдруг ей захочется на старости лет перечитать переживания юности? Кто знает ее, эту старость лет?

Училась Наташа в меру хорошо. «В меру» – то есть особо знаниями не блистала, но из класса в класс переваливалась. В литературе более-менее разбиралась: с детства перечитала множество мифов, сказок, сворованных у мамы любовных романов. А в математике, химии, физике даже не «плавала», а тонула как топор. Только изредка невнятно булькала при ответах у доски.

Наташа почесала кончиком ручки затылок и начала писать.

...Кир сразу влился в компанию. Чахлый огонек с его помощью раздулся в целое пламя. С Димкой они немножко поспорили о том, как насаживать мясо на шампуры, но быстро остыли.

Сам он был, очевидно, из городских – Наташа так и не поняла, откуда точно, – но приехал в Камелево не на каникулы, а «просто так».

– Ты учишься? – уточнила Наташа.

– В... десятом классе, – помедлив, ответил Кир.

С сентября Дима шел в девятый, поэтому казался семикласснице Наташе стариканом. Она с трудом представляла, как доживет до поры жутких выпускных экзаменов, зато ждала, когда наконец-то сможет цокать шпильками по коридорам школы – все девятиклассницы носили высокий каблук, и их никто не называл «слишком маленькой для таких туфель».

– Ничего себе! – воскликнула Наташа. – А по тебе и не скажешь!

– Да ничего особенного, – пробурчал Дима, подперев щеку кулаком. – И я бы так мог, если бы четвертый класс пропустил.

– А я просто в семь лет пошел. Вот и считайте.

Наташа считать не стала, поверила на слово. Она со старшеклассниками не ладила – стеснялась. Дима – дело другое, они дружили с младенчества. Поэтому Кир показался особенно привлекательным. Взрослый, симпатичный, но свой-

ский, без выпендрежа – много ли таких?

– Чем занимаешься в свободное время? – ледяным тоном спросил Дима.

Кир откусил кусок от куриной грудки. На рубашку капнул жир, но новый знакомый не обратил на оплошность никакого внимания.

– А... По мелочам, – сказал он, вытирая губы уголком рукава. – Читаю много. Иногда наблюдаю за разными существами.

– Животными? – Наташа подалась вперед.

Дима привычным движением отодвинул подругу обратно, иначе бы та непременно угодила длинными волосами в мангал. Это случалось при каждой вылазке на шашлыки: не пряди опалит, так бровей едва не лишится. Новые ожоги, ссадины, царапины появлялись на ней с поразительной частотой, и каждый раз Наташа оправдывалась, что не представляет, откуда они взялись. Диме ответ казался очевидным.

– Не совсем. За мифическими, описанными в так называемых легендах и суевериях, – в тоне проскочили учительские нотки, но только на мгновение.

Все. С той секунды Кир превратился в героя. Без коня и шпаги, но и так сошло на ура. Наташа слушала его, раскрыв рот и забывая жевать.

– А где ты их берешь? – допытывалась она. – Придумываешь?

– Нахожу. – Кир развел руками.

– Настоящих?! Где?!

– На болотах, заброшенных кладбищах, в лесах.

– Ага, – оскалился Дима, – ты еще скажи, будто встречался с зелеными человечками.

– Нет, зато видел настоящего водяного.

– Утопленника-то? – измывался Дима, поигрывая в пальцах зажигалкой. – Синюшный, оплывший?

– Помолчи! – Наташа ткнула друга локтем в бок и расплылась в сладкой улыбке. – Кир, рассказывай дальше.

– Рассказывать скучно, – тот скривился. – Нужно смотреть.

Дима восторжествовал: дескать, конечно, этот зазнайка двух слов связать не может. Он, Дима, пятнадцать лет прожил в деревне и ничего мистического не встречал. А уж выдумывать каждый горазд: нереальное тем и хорошо, что доказать его отсутствие невозможно.

– Так показал бы, – намекнул он.

– Зачем? – Кир удивился. – Ты ж все равно не веришь.

– А мне? – отозвалась Наташа, смущенно комкая салфетку.

– Не уверен, есть ли смысл. В чудеса или веришь по-настоящему, или не веришь вовсе.

Наташа задумалась. Она не слишком-то доверяла байкам, но боялась их. И ночами по квартире страшилась ходить – казалось, что из-за угла выскочит разъяренный монстр. Пятки никогда не высовывала из-под одеяла – оттяпают. А уж

силуэты предметов во тьме словно надвигались ужасающими громадами. Мама называла это самовнушением.

– Наверное, я по-настоящему верю...

Дима обреченно застонал.

– Да? – обрадовался Кир, заведя в глазах Наташи искорку.

– Ага. А существа эти – они добрые?

– Всекие бывают. Встречаются и те, кого не мешало бы прогнать взащей. Кикиморы, например, детей воруют из кроваток. Случаются дружелюбные, типа русалок. И просто вредные.

Кир забросил в потухающий костерок несколько отсыревших поленьев – других не было. Те разгорались нехотя. Чадило, в воздухе поселился запах гари. Глаза заслезились, запершило в горле. Огонь запылал только после того, как мальчишки накидали в мангал листы газеты.

В разрушенном доме гулял сквозняк. Стучали оконные рамы. Наташа вдруг сделалось зябко, и она протянула ладошки к язычкам пламени. По позвоночнику то и дело пробегала волна мурашек. Дима сжалился и вручил подружке свою куртку. Укутанная девочка стала напоминать нахохлившегося воробушка, снаружи торчала одна только голова.

– Так зачем ты изучаешь существ?

– Сложно объяснить, честно. Если хотите, могу рассказать, что я забыл в больнице.

– Нет, – ухмыльнулся Дима.

– Конечно! – опровергла его слова Наташа.

Но Кир замолчал. Поджал губы, пальцы тревожно постукали по напольной плитке, взгляд скользнул по комнате. Дима нарочито громко выдохнул.

– Как бы объяснить понятнее, – неуверенно начал Кир. – Таш, ты слышала о духах?

– Разумеется.

Однажды она наткнулась в Интернете на заметку с фотографиями привидений. Тряслась, но разглядывала расплывчатые тени, вчитывалась в краткие описания. Более всего поразила черно-белая картинка, на которой стоял призрак кудрявой девочки, похожий на фарфоровую куклу, в коротком пышном платье. У ребенка были настолько пустые глаза, что Наташа незамедлительно закрыла сайт, пообещав никогда больше не заниматься ерундой.

«Это только монтаж», – убеждала она себя.

Но, возможно, Интернет не лгал?

– Тогда понимаешь, что они бывают разные. И лесные, и водяные, и летучие, и домашние, – загибал он пальцы. – Некоторые из них привязаны к месту обитания, другие могут находиться где угодно. Некоторых можно пощупать, другие бесплотны.

Наташа закивала под недоброе молчание позабытого всеми Димы.

– А здесь, в этой больнице, заточена душа женщины. Таких призраков называют вытьями.

– Кто это?

– Дух непогребенных костей, – пояснил Кир так, будто объяснял нерадивому ученику азы математики. – Убитый и не похороненный.

В горле Наташи застрял саднящий комочек. Дыхание перехватило, а слух обострился, теперь она могла «различить» чей-то шепот вдалеке – или то был только шелест бумаги? Наташа машинально прижалась к плечу угрюмого Димы.

– Зачем ты ее пугаешь? – приобняв подругу, окрысился тот. – Она же в обморок грохнется.

– Сама попросила. Могу не продолжать.

– Нет уж. – Наташа замотала головой. – Я до утра не усну, промаюсь от любопытства. И что? Кто она? Откуда ты узнал о ней?

– Дима, не замечал, будто по ночам кто-то воет? – вопросом на вопрос ответил Кир.

Дима озадаченно прищурился, но не упустил возможности посмеяться над новым знакомым.

– У нас постоянно кто-то воет. То волки в лесах, то собаки в будках. Людка вчера выла – ее муженек пьяным пришел. И муженек выл – когда женушка его била по хребту ведром.

Наташа хихикнула в кулак и стянула с шампура последнее куриное крылышко. От нервных переживаний она всегда хотела есть.

– Нет, дух воет иначе: нудно, гулко, на одной ноте. Словно от боли. Знакомо?

– Предпочитаю не прислушиваться к привидениям.

– Зря, потому что так разговаривает вытъя. И ее кости находятся где-то в больнице. Если верить легендам – а я им верю, – завывая, она просит похоронить ее.

– Тогда почему... она не кричит сейчас? – Наташа почувствовала, как сердце уходит в пятки, и обернулась. Позади никого не оказалось.

– Чует наше присутствие.

– Так и орала бы во всю глотку, – в очередной раз встрял Дима. – Авось помогли бы. А так ею только неразумных детей пугать. Вроде есть, а вроде услышишь ее ночью, в три часа, направив левое ухо на восток. Тьфу. Лично я ее не вижу.

– И не увидишь. – Кир палочкой поворошил угольки. – Вы ее здорово напугали. Начали вопить с порога. Вылезет она, как же. Духа сегодня не найти, поэтому я пришел к вам – хотя бы пообщались.

Наташа украдкой посмотрела на нового знакомого. Неужели он собирался закапывать кости умершего человека? Храбрый поступок заслуживал уважения.

Интересно, как выглядел дух? Богатая фантазия изобразила молодую женщину с мертвенно-бледным лицом. Вместо глаз – провалы. Длинные волосы волнами спадают с осунувшихся плеч. Одета, разумеется, в белое платье невесты – в фильмах призраки показывались именно такими. А еще у них обязательно имелось желание отомстить бывшим возлюбленным, друзьям, случайно подвернувшимся людям, по-

тревожившим их покой...

От выдуманного захотелось спрятаться куда подальше. Как назло, вдали с грохотом ударилась створка двери о косяк. Наташа вскрикнула и в момент запрыгнула Диме на колени.

— Ну вот, напугал девчонку. — Тот еле отцепил от себя по-другу. — Все, идем, нечего слушать всякий бред. А то и правда не уснешь ночью.

— Я не хочу спать.

— А придется. Да отпусти меня! Я никуда не денусь! — и пробурчал чуть слышно: — Хотя не отказался бы.

Начались сборы. Наташа до сих пор тряслась, зуб на зуб не попадал от дрожи. Что брала в руки, тут же роняла обратно на пол. Она, словно заведенная кукла, постоянно оглядывалась.

Кир только ухмылялся, наблюдая, как Дима по-хозяйски тушит свечи, заливает угли водой и заворачивает шампуры в пакет.

— Эй, Таш, — окликнул Кир, когда она уже вышла за порог, — если захочешь посмотреть на вытью, то приходи: буду ждать тебя завтра около ворот больницы. Часов в восемь вечера.

— Угу, — безразлично промычала одуревшая от страха Наташа. — До встречи.

Кир улыбнулся.

Обратно друзья шли молча. Наташу пугал и непрогляд-

ный лес, и ухающие совы, и слабо различимый шепоток листвы, и малейшее дуновение ветра. Дима брюзжал, что незачем слушать всякие бредни, а уж тем более – верить им. Но Наташа безоговорочно поверила Киру.

Невдалеке показались крыши деревенских домов.

Несколько развилок, длинная пустая улочка, пять поворотов, за которыми скрывалась пугающая неизвестность – и до родного порога пара шагов. Наташа добралась до калитки и впорхнула во двор. Дима напоследок помахал рукой и побрел к себе.

Ужинать или умываться девочка не стала – трусила разгуливать по неосвещенным комнатам, – поэтому сразу улеглась в кровать, где долго ворочалась, плотно кутаясь в одеяло. Что, как в детстве, должно было уберечь от всякой нечисти. Наверное, уберегало – иначе почему ни один монстр в течение тринадцати лет не добрался до лакомой добычи? Или им просто не нравились костлявые девочки?

В стенах скреблись мыши. На веранде что-то упало и с дребезжанием покатилося по полу. Следом послышалась дедушкина ругань – кое-кто опять забыл об обещании не объедать семью после полуночи.

Сердце вырывалось из груди при каждом шорохе. Но вскоре на подушку забрался прикормленный бабушкой кот. Он терся мордашкой о щеку, мелодично мурлыкал в самое ухо. Наташа успокоилась.

И вообще! Если поверишь во всякие страшилки, то посе-

деешь. Будешь думать, искать скрытые знаки — одним словом, свихнешься.

«Наверняка обманул, — с облегчением подумала она. — Специально запугал».

Так решила Наташа, окончательно разомлев на волнах усталости.

Веки слипались, тело обмякло, двинуть рукой или ногой стало невозможно. Но перед тем моментом, когда явь сменилась забытьем, по деревне разнесся пронзительный вой, ничуть не похожий на собачий. Он одной долгой нотой пробрал до костей не хуже зимнего мороза.

Повезло, что Наташу с головой накрыла волна сна.

Глава 3

Сомнительная затея

За окном текла размеренная деревенская жизнь. Баба Мура венником гоняла с участка отожравшихся ворон, а те лениво перебирались с ветки яблони на покосившееся пугало. Дядя Сережа в растянутых штанах и грязной майке, заложив руки за спину, наматывал круги по улочке – искал нарушения, на которые потом мог бы донести правлению. Три чумазных карапуза с наслаждением бросались в прохожих комьями грязи.

Дом наполнился запахом свежей выпечки. Голодная Наташа сглатывала слюну, но выходить из комнаты ленилась – что называется, приросла к стулу.

«Стоит ли идти в больницу? Если сказанное Киром – неправда, то ничего не потеряю. Ну, посмеется над наивной дурочкой, а после забудет. Но вдруг духи существуют?» – размышляла она, вырисовывая на полях тетради загогулины, которые то напоминали человеческие очертания, то превращались в спирали.

Нового знакомого Наташа побаивалась. Кто он такой? Ему аж шестнадцать лет, он где-то живет и зачем-то приезжает в Камелево. Вдруг Кир самый настоящий убийца или маньяк?

А если его разыскивает полиция? И за сведения о место-

нахождении преступника дают приличную сумму, которой так не хватает на новые сапожки?

«Ага, конечно, – резко оборвала мечты Наташа. – Уши-то развесила. А заодно он окажется рыцарем, потерянным принцем или бессмертным существом. И за то, что ты не выдашь его властям, увезет тебя на край света».

Впрочем, в книгах случалось именно так. О дырявой зимней обуви героини почему-то не задумывались и выдавать злодеев властям не спешили. Никакой осторожности! Ведь герой мог оказаться плохим и ударить даму сердца дубиной по голове.

«Может, взять с собой Диму?» – промелькнула разумная мысль, которую Наташа сразу отклонила.

Тот целый день будет ныть, как ему скучно, и глумиться над доверчивой подругой. Она справится сама. Если призраки – быть, то утрет Диме нос. Если нет – он и не узнает.

– Решено, – вздохнула Наташа, – иду.

Она убрала тетрадку в ящик стола, наскоро расчесалась – кажется, такая прическа называлась «художественным беспорядком» – и переделась в чистые шорты с футболкой, а затем пошла завтракать на кухню, где уже давно гремела посудой хозяйственная бабушка.

Бабушка Наташе досталась необычная. Во-первых, у Раисы Петровны не было проблем со здоровьем, а если что и болело – она упорно молчала (в отличие от остальных старушек, у которых то ныли колени, то гудело в спине). Во-вто-

рых, передвигалась она исключительно быстрым шагом, частенько напевала под нос новомодные мотивы, услышанные по радио, и была неплохо продвинута в молодежных тенденциях. А в-третьих, Наташа считала бабушку чуть ли не лучшей подружкой.

– Доброе утро, ребенок, – лучисто улыбнулась Раиса Петровна, расставляя перед внучкой тарелки с ароматными блинами, густой сметаной, малиновым вареньем и прочими лакомствами.

– Я не ребенок, – попробовала сопротивляться Наташа.

Бабушка добродушно отмахнулась.

– Пожарили вчера шашлыки?

– Ага.

– И как? Без приключений?

– Да, – Наташа занервничала. – Все обычно...

– Могла бы заранее предупредить о позднем возвращении. – Бабушка погладила внучку по волосам. – Я волновалась. Думала, вы ближе к десяти вечера придете, а не пропадете до полуночи. Ничего не скрываешь?

Наташа заелозила на стуле. Бабушка видела ее насквозь. Девочка быстренько умяла блины и, поблагодарив, унеслась к себе.

День тянулся липким медом. Невыносимо жарило июльское солнце, и от этого, словно масло на сковородке, плавился асфальт. Голубизна неба ослепляла. Ветерок если и дул, то чахлый, ленивый. Пузатая стрелка часов едва перевалила

за полдень, а Наташе казалось, будто прошла вечность. По хозяйству ей помогать запретили. Дедушка чинил калитку, бабушка прогнала внучку, когда та решила выдолоть сорняки, а в итоге выдернула с корнем полгрядки укропа. Дневник не писался, тексты, заданные на лето, не читались.

После обеда забежал Дима. Он, как всегда, ловко перемахнул через забор и подобрался прямоком к окну Наташиной спальни.

Его пальцы выстучали по подоконнику частую дробь.

– Бездельница, прием!

Наташа, завидев темноволосую макушку, высунулась наружу и сбивчиво пробубнила приветствие.

– Айда на речку? – Большое разноцветное полотенце было перекинута через его плечо. – Если хочешь – с ночевкой. Тут да ближе к закату наши подойдут, рыбы наловим, ухи сварганим!

– Я... ой... – Наташа замешкалась: откажешься – посыплются лишние вопросы, а согласишься – пропустишь встречу с Киром. – Не смогу. Голова что-то ноет.

Она картинно потерла виски. Врать другу Наташа не любила, да и не умела. Она покраснела как помидор. А Дима, непривычный ко лжи, наивно поверил.

– Значит, проваляешься до вечера в кровати? – с грустью уточнил он.

– Ага, – согласилась Наташа. – Я б с радостью на речку, ты ж знаешь, но так дурно – аж в глазах мутнеет.

– Не оправдывайся. – Дима скривился. – Посидеть с тобой или принести таблеток?

– Все хорошо, я просто посплю.

– Как скажешь. Выздоровливай, Натаха.

У Наташи, смотрящей за тем, как Дима медленно бредет к повороту, засосало под ложечкой. Что же она, неразумная, наделала? Солгала лучшему другу, да ради кого? Опустилась до гадкого, низкого обмана из-за непонятного мальчишки, напугавшего ее страшилками. Докатилась.

Что ж, не поздно окликнуть Диму, чтобы тот воротился. Достать купальник и отправиться загорать...

Нет! Раз уж решила, то нельзя отступать. Чувство стыда утихнет как-нибудь само по себе – например, когда Наташа увидит настоящего призрака.

Чтобы чуточку забыться, она начала собирать рюкзачок. Уложила на дно блокнот с ручкой, на случай, если понадобится что-то запомнить – например, длинное заклинание или магическую символику. Следом засунула фонарик, который не поместился полностью, потому торчал снаружи, осматривая любопытным глазом потолок. В левый боковой кармашек Наташа втиснула бутылочку с водой, в правый – четыре кусочка черного хлеба.

Незаметно пролетел обед, без происшествий обошлось и на ужине. Солнце клонилось к закату. Провожая его, тревожно закаркали вороны. Маленькая стрелка на часах приближалась к семи. Пора выходить.

И только тогда Наташа догадалась: она не знала дороги!

Кажется, вчера они шли от восточного края деревни до третьей развилки, затем повернули налево, после – направо, по узенькой тропинке пробрались через редкий лесок и лишь потом вышли к больнице. Дима тогда довольно сказал: «Полпути срезали!» Так-то, может, оно и было, но что делать ей? Она не помнила этого «полпути» так же, как и целого.

Но дух захватывало от предвкушения, и Наташа не смогла струсить. Она, конечно же, надеялась на русский «авось». Авось свезет, авось интуиция подскажет, авось пронесет.

Наташа вышла во двор и хотела найти бабушку, чтобы предупредить об уходе, но та сама подошла к внучке.

– Куда собралась? – Раиса Петровна на ладони протянула немного малины. – Будешь?

– Пойдем на речку с Димой, – не моргнув глазом, соврала Наташа, запихивая все ягоды в рот. – К его друзьям.

– Хорошо, егоза, беги. Только будьте поосторожнее, – и крикнула вслед: – Передавай Диме привет!

Щеки Наташи запылали от стыда.

Казалось, все обязательно прознают об обмане. Дима непременно затаит обиду. Бабушка потеряет к ней всякое доверие. Маме расскажут, та вообще запретит выходить из дома. Возможно, даже позвонит папе, а этого Наташе хотелось меньше всего...

«Нужно остаться», – мышкой пробежала трусливая мысль.

Нет, нельзя отступать. Во всех журналах пишут: «Не сдавайтесь на полпути!» Вот перечеркнутая табличка с надписью «Камелево». Вот тропинка, вначале поросшая по бокам низенькими колючими кустиками, а после расчищенная ногой редкого путника. Вот небольшое болотце, похожее на зеленый кисель. Вот поваленная грозой береза и оплакивающая ее сестра, склонившая крону к земле. Вот засыпанная хворостом канава.

Наташа шла уже полчаса, а лес все не редел. Наоборот, превращался в непроходимую чащу. Ветви заплетались друг с другом, цеплялись за куртку и волосы. Дорожка сузилась, после расплылась на десяток едва различимых ответвлений и в итоге совсем пропала.

Тут-то стало по-настоящему страшно. Наташа безуспешно рыскала в поисках тропинки, выискивала просвет меж деревьями. Да только напрасно.

Она заблудилась.

А солнце неторопливо, в последний раз окрасив окрестности алым, закатилось за горизонт. В лесу поселился туманный сумрак. Что же делать?... Точно! Фонарик!

Но и тот вначале светил ярко, но буквально через десять минут зарыбил, а после окончательно потух.

Наташа терла батарейки друг об друга, готовая разреветься от страха.

– Мамочки, – тихо скулила она, вооружившись бесполезным фонариком, словно дубиной. – Ау! Меня кто-нибудь

слышит?

В ответ – тишина. Тяжелая. Мрачная.

– Ау!!!

Но ничего. Никаких звуков, даже глухого трепета листвы. Точно мир вокруг вымер, оставив маленькую девочку наедине с лесом.

– Я здесь! – кричала Наташа в слабой надежде на то, что ее услышали, просто не успели ответить. – Помогите!

Над ухом надрывно зажужжал одинокий комар. Полетав для приличия с минуту около нежданного «ужина» – видимо, оценивал размер добычи, – он уселся на локоть девочки, где и встретил неминуемую смерть от удара ладонью.

– Вот глупая, – корила себя Наташа. – Диму не предупредила, на себя понадеялась. Даже мобильник не взяла! Хотя что бы я сказала? «Я заблудилась. Рядом со мной три пня и двадцать осин»? У-у-у.

Вдали одобрительно заухла парочка филинов. Громким хрустом отозвались поваленные сучья, будто по ним кто-то шел. Наташе стало не просто страшно – ее сковал ужас. Что хуже: голодная смерть или встреча с маньяком-убийцей? А ходят ли вообще по глухим чащам маньяки, неужели им больше негде слоняться? Наташа поспешила на звук шагов идущего, не расставаясь с фонариком. Варианта было всего два: или некто двигался вглубь чащобы, или к шоссе.

Оказалось, что шел он и не туда, и не сюда.

Пусть говорят, будто чудес не бывает. Наглая ложь, про-

иски злостных завистников-реалистов! Случается всякое, в чем убедилась Наташа, которая в поисках «спасителя» не успела даже повторно заплутать. Через сотню-другую метров впереди замаячила хорошо различимая тропка, в итоге приведшая девочку к злополучной больнице.

До ржавых ворот Наташа добралась совершенно измотанная. Запыхавшаяся до той степени, когда немилосердно колет в правом боку. Напуганная так, что трясутся коленки. Рукав футболки порвался, на локте саднила длинная царапина. Где только Наташа умудрилась ее заработать? Радовало лишь то, что здесь было не так сумрачно, как в лесу.

Замерев возле забора, она принялась вытаскивать листья, запутавшиеся в волосах. Из груди вырвался вздох, похожий на старческое оханье.

Кира поблизости не оказалось.

«Отлично, – недовольно думала Наташа, – зачем неслась сломя голову, если здесь никого нет? Как теперь идти обратно?! Куда?! Скоро совсем стемнеет. Хоть опять какого-нибудь убийцу подзывай. Только вряд ли найдется столь галантный, что не только познакомится с потенциальной жертвой, но и проводит ее до дома».

Ее мысли прервал удивленный голос.

– Неужели пришла? – раздалось справа от девочки. – Я уж подумал, что ты испугалась.

Наташа краем глаза заметила в нескольких шагах от себя Кира, прислонившегося к одиноко стоящей ели. Знал бы тот,

как она была рада его видеть. Живого, настоящего, улыбочивого. Наташа была готова обнять нового знакомого, но, разумеется, постеснялась.

– Сильно опоздала?

– Немного, – явно покривил душой Кир.

– Я заплутала. Еле-еле добралась досюда.

– Так взяла бы с собой друга, он, кажется, в местности разбирается, – без особого интереса, но для продолжения диалога, ответил Кир.

– Зато не верит байкам и сказкам. – Наташа безразлично пожала плечами.

– Ну-ну, а ты доверяешь всяким рассказням?

Она верила многому. Если не верить, то и бояться нечего. Когда ветка, стучащая ночью в окно, – всего лишь ветка, а не костлявый палец; когда тени – это только тени... Тогда невероятно скучно жить! Тем более в ушах до сих пор отдавался вчерашний вой.

– Я слышала ночью эту... как ее... вытью.

Кир скорчил недоверчивую мину и грозно надвинулся на Наташу, смутившуюся под пристальным взглядом.

– Или собак? – с издевкой уточнил он.

– Нет-нет, ее. – Наташа вся сжалась. – Честно...

– Допустим, – плутовато прищурился Кир. – Тогда второй вопрос. Для тебя в порядке вещей приплетаться незнамо к кому поздним вечером через лес?

– Вообще-то нет, но если ты меня убьешь, то мне будет

уже все равно, – рассудила Наташа.

По кончикам пальцев змейкой расползлось онемение. Ладони взмокли, и Наташа вытерла их о штанину.

– Смешная ты! Не собираюсь я никого убивать. Ты меня за кого принимаешь? – Кир фыркнул. – Ладно, особо распи-
наться не стану. Все увидишь сама.

– Ну, хоть в общих чертах объясни, – взмолилась Наташа, которая и представить не могла, как следует вести себя в обществе привидения.

К тому же опыт предыдущих ее свершений был краток. Ни в какие передряги она не попадала, ни во что не вляпывалась. Это книжные героини уверенно шагают навстречу неизвестности и ни о чем не спрашивают. В реальности же хочется прощупать почву перед тем, как ступить на нее.

На лице Кира отразилось сомнение. Он не представлял, о чем следует рассказать девочке.

– В общем, не вздумай орать, падать в обморок или тыкать пальцем. Выть это не понравится, – после долгой паузы сориентировался он. – Когда найдем ее – стой и помалкивай. Если решишь сбежать, то лучше сделай это сейчас.

– И какая наша цель? Посмотреть и успокоиться? – наивно спросила Наташа.

– Не совсем. Найти кости и, если сможем, закопать их. В принципе, правда твоя: посмотреть и успокоить. Только не свое любопытство, а вытью.

Он безмятежно указал на прислоненную к забору лопа-

ту. Черенок той был замотан несколькими слоями скотча. На совке нашелся скол. И вообще одного взгляда хватило, чтобы понять: предмет переживал не лучшие времена.

У Наташи помутилось в глазах. Мамочки, куда же она вляпалась! Какие вытьи, какие лопаты? Что он несет?! Кажется, Кир все-таки чокнутый, только выглядит нормальным. Ох, надо было в детстве забросить танцы и пойти на самооборону.

«Ну, на крайний случай, заявлю ему, что изучила несколько па», – промелькнула безрадостная идея, и Наташа нервно захихикала.

Кир недоверчиво осмотрел сообщницу, но промолчал.

– Как мы собираемся искать кости? – поборов приступ смеха, продолжила Наташа.

– Сама узнаешь. Если согласишься подождать... – «соучастник» мельком взглянул на старенькие наручные часы (у них был треснут циферблат и потерт ремешок), – минут тридцать-сорок. Она должна к нам привыкнуть.

«Ага, примухаться, приготовить столовые приборы и разжечь костерок, чтоб покушать вкусенький шашлычок», – язвительно пронеслось в мозгу Наташи.

Между тем она, скрестив ноги по-турецки, уселась на траву и уставилась на железные прутья в заборе.

– Тогда помолчим, – одобрил Кир, опускаясь рядом. – Надеюсь, больше никто нас не потревожит.

Глава 4

О чем плачет вытья?

Наташу клонило в сон. Она улеглась на влажную траву и прикрыла веки. Свернутую куртку подсунула под голову. Ветерок охлаждал лицо и шею и пробирался под ворот, стайкой мурашек разбегаясь по коже.

Текли минуты, а вытья не торопилась показаться. Уж не заснула ли? А может, в распорядке ее дня крик стоял сразу после поедания всяких безрассудных Наташек.

Стрелки на наручных часах, словно два ожиревших ко-та, неспешно передвигались по циферблату. За время ожидания в свете полной луны Наташа успела сосчитать количество прорех в кованой решетке, придумала, как начать новую запись в дневнике, оценила внешность нового знакомого по десятибалльной шкале. Он получил восьмерку с минусом: симпатичный, но излишне неухоженный. Кир молчал. Просто разглядывал звезды так, словно на небосклоне показывали замысловатое представление. Наташа скосила взгляд на мальчишку.

– Кир? – позвала она.

– Молчи, – коротко приказал тот.

Наташа обиженно надула губы.

Ситуация, не будь столь угнетающей, выглядела бы комично. Поздний вечер, пахнущий еловыми колючками. Бле-

стящее серебром небесное полотно. Поскрипывание дверных петель забытой всеми больницы. Покрытая росой трава, на которой лежала рыжеволосая девочка и думала только о том, что она здесь забыла?

«Ребята, наверное, запекли на костре наловленную рыбу» – от этих мыслей рот разом наполнился слюной. Наташа ступевалась, прижав руки к урчащему животу. Хлеб она доела полчаса назад. Предложила Киру, но тот отказался.

– Ладно, – тут же смиростивился парень, – спрашивай. Только кратко.

– Допустим, ну... – Из головы мигом вылетели все вопросы. – Не знаю даже.

– Тогда пока-пока, – он демонстративно развернулся спиной.

– Подожди! – шепотом взмолилась Наташа, боясь сорваться на крик. – Мыслей много, но как их сформулировать? Например, странно, что никто из проходящих сюда компаний не слышал вытью. Почему?

– Я уже говорил: люди орут, топают. Она не станет отзываться, когда рядом суетно и шумно. Нужна тишина и время, чтобы позволить ей привыкнуть.

Как все просто. А в фильмах обычно требуются длительные обряды, жертвоприношения, кровь, магические амулеты. И прочее, прочее, прочее. Порою диву даешься, как герои не забывают трехстраничный список необходимых предметов, да еще умудряются наизусть зачитывать длиннющие

заклинания.

– И больше ничего? Сразу возьмет и появится?

Кир пожал плечами, дескать, понимай как знаешь. А не знаешь – не понимай. Больно надо.

– Ладно, верю, – сдалась Наташа. – О, а ты встречал многих... ну... необычных созданий?

– Буду перечислять – уснешь на третьем десятке. Даже ко-
рыга у болота может оказаться спящей кикиморой, которая
крайне не обрадуется, когда об нее ненароком споткнешься.
А некоторых существ могла бы встретить и ты.

– Например? – В голосе появилось предвкушение.

– Из безобидных? – Кир дождался кивка. – Домового.

– Настоящего?

– Что ни на есть.

Соломенная фигурка бородатого старичка висела дома у
бабушки перед входом в кухню. С детства Наташа счита-
ла его фермером из американских фильмов: он был одет в
смешной джинсовый комбинезон и носил шляпу с широки-
ми полями.

Интересно, если домовой существует, как он относится к
курносой «копии»?

Наташа заулыбалась.

– Как мне его подманить?

– Расскажешь небольшой стишок для вызова, покормишь
сметаной, похвалишь – домовые это любят.

На лице Кира появилось нечто хищное, издевательское.

Пока Наташа доставала из рюкзака тетрадь, он довольно, словно сытый кот, сидящий у кринки с молоком, усмехался.

– Записываю.

Она щелкнула ручкой.

– «Домовой-домовой, приходи-ка на покой. Я тебя призываю. Тебе зла не желаю. Со стола угощаю», – напевно продиктовал Кир.

Наташа старательно записала фразы и поставила на полях три восклицательных знака, чтобы не забыть. Хотя очень сомневалась, что запомнит о деле практически мирового масштаба.

– А где его звать? – выпалила она.

– На кладбище, – с серьезным лицом оповестил Кир. – В четверг пятницы тринадцатого, лунной ночью. Желательно в полдень.

– Шутишь?

На лице девочки отразилось недоумение.

– Угу. Раз домовой, то дома и звать нужно.

– Мог бы сразу сказать, – насупилась Наташа.

Кир осклабился, а Наташа показательно надулась.

Луна освещала больницу, будто окаймляя золотистым ореолом. Под конец, когда ничегонеделание стало невыносимым, Наташа начала отсчитывать про себя секунды. Она дошла пятьсот тридцать восьми, трижды сбившись после двух сотен, а продолжить помешал...

Дикий вой. Вблизи он звучал куда истошнее, громче,

пронзительнее. Вторгся в каждую клеточку, врезался в уши, от чего в тех звенело. Сердце билось так, словно готово было покинуть трусливое тело. Наташа очнулась лишь тогда, когда Кир, чьи плечи она сдавливала ногтями, негромко ойкнул. Как поднялась на ноги, подлетела к мальчишке и вцепилась в него – хоть убейте, не помнила.

А вытья продолжала незамысловатый концерт. Ноту брала высоченную – обзавидовалась бы любая оперная дива.

– Что теперь?! – силясь переорать духа, спросила Наташа.

– Вначале отцепись от меня. – Кир стряхнул девочку и направился к воротам. – Ты идешь?

– К ней?! Да ни за какие коврижки...

Наташа зажала уши. По ребрам молотило сердце.

– Как *такое* могут не слышать все вокруг? – со всхлипами бормотала она. – Кошмар... Нет-нет-нет. Я пойду... Мне надо домой... Уже поздно...

– Иди, – легко согласился Кир. – Только опять не заблудись. И учти, шанс познакомиться с настоящим духом ты прошляпила.

Наташа сощурила красные от слез глаза.

«Что, на «слабо» хочешь взять? Или решил, что от девочки другого не стоило ожидать?! – горячилась она. – Не дожدهшься, не сбегу».

– Я передумала.

Она, с трудом сохраняя спокойствие – ноги подкашивались, – влезла на высокий забор. А затем перемахнула че-

рез него и прыгнула на землю с невероятной легкостью, даже грацией. И глянула на Кира, насмешливо изогнув бровь, якобы говоря: «А ты так умеешь?»

Кир ухмыльнулся и вошел на территорию больницы... через открытые ворота.

– Кому что, а я предпочитаю главный ход, – съязвил он.

– Мы с Димой в прошлый раз перелезали...

– Ну и молодцы. Так, веди, храбрая, раз уж первой полезла.

Представлять бы еще – куда. Дух затих, что немного успокоило. А вдруг это и не дух вовсе, а аудиозапись, которую сообщник Кира врубил из колонок. Это объясняет, почему вытью никто не слышит – ее придумали мальчишки, обожающие издеваться над малышами и девчонками. Ей стало так обидно за себя, так неприятно. Ух, пусть только покажется его помощничек! Наверняка покрывало наденет, как Карлсон, и будет истошно завывать перед Наташей. Тут-то она и врежет «духу» со всей силы.

Замечтавшись, девочка ударилась плечом о косяк. Кир схватил ее под локоть и повел по лестнице на второй этаж. В здании было намного темнее, чем во дворе под звездами. Девочка спотыкалась о всякий хлам, разбросанный в проходах: обломки стульев, вынутые из столов ящики, осколки керамических плит. Даже порезалась о край торчащего металлического прута, но боли не заметила. Не до нее было.

– Куда ты меня тащишь? – пропыхтела Наташа, злая до-

нельзя.

– Вперед, – ничуть не смутился Кир.

В помещениях давным-давно поселилась затхлость с верной подругой – сыростью. На стене коридора печально замер лунный лучик. По мере их продвижения воздух потяжелел, наполнился островатым привкусом пыли, от которого Наташа начала закашливаться.

– Нам сюда, – наконец, заявил Кир, толчком плеча открывая дверь с проржавевшей табличкой «Палата № 27».

Ага, значит, там и скрывается его друг. Сейчас как выскочит перед Наташей. Ну, она ему покажет!

Девочка храбро зашла внутрь и застыла на пороге. Крик, вырвавшийся у нее, дал бы фору любой вытье. Так громко и не жалея связок она завопила.

Перед ней покачивалась молодая женщина, одетая в длинную бордовую ветошь – очевидно, платье, но настолько продранное, что не сгодились бы и на половую тряпку. Она выглядела осязаемой, почти живой: только неестественная бледность кожи да посиневшие губы ломали обманчивое впечатление. Глаза у вытьи, к Наташиной радости, были. Две засасывающие, черные бездны. Под ними словно густой краской намалеваны синяки. Спутанные волосы свисали неопрятными клочьями. Женщина вскинула правую ладонь и ткнула скрюченным пальцем на Наташу. После разинула беззубый рот, и этой зияющей дырой заорала в ответ.

Наташа, едва не оглохнув, поперхнулась на выдохе.

Вытя не разменивалась на излишние беседы; замолкнув, она медленно пошла в сторону Наташи, скрябая по полу длинными, изогнутые ногтями на ногах.

У Наташи пропал голос. Она смотрела на приближающееся привидение разинув рот и не могла сдвинуться с места.

Она не видела Кира и он ничего не предпринимал, будто исчез или – что логичнее – сбежал.

– Уйди, – плакала Наташа, когда дух подобрался на расстояние вытянутой руки. – Умоляю...

Рыжий отблеск луны осветил мертвую женщину. Каждая деталь лица, каждый застарелый шрам на коже, каждая вздутая вена – подробно различалось все.

– Кир, – тихонько стонала Наташа, – где ты? Пожалуйста... Кир...

Тот появился из ниоткуда и встал подле девочки. Он указал пальцем на себя, но по губам вытяи можно было прочесть всего одно, пусть и не высказанное вслух слово: «Она».

Убежать или сделать хотя бы шаг назад Наташа не успела – дух стремительно влетел в ее грудь, а после вырвался наружу – уже со спины. Тело будто окунуло в ледяную воду. Наташе стало невероятно холодно, дыхание перехватило, но затем мороз сменился жаром. По лбу потек пот, спина взмокла.

– Она хочет показать свои кости тебе, – пояснил Кир так, будто духи ежедневно показывали ему кости.

– С чего ты взял? – просипела Наташа.

Кир не ответил.

Призрак из виду пропал, но кожей чувствовалось – он рядом. Наташа чувствовала его как самую себя. Девочка шла вперед, костеря себя за любопытство. Кир двигался поодаль и уверял, что ничего плохого не случится.

«Куда уж хуже», – билось в висках.

Вытя материализовалась перед ними, свернула направо, затем налево и вышла... через окно. Наташа с Киром вылезли и спустились по черной лестнице, обломанной в метре от земли. Женщина ждала их. Когда ребята спрыгнули на траву, она направилась к скособоченной пристройке, которая чудом не развалилась от ветхости. После дух, покачавшись на ветру, растворился. Как и не было!

– Может, она решила нам ничего не показывать? – с надеждой предположила Наташа.

Вместо ответа Кир выбил тоненькую фанеру пинком.

Внутри сарай был забит всякой рухлядью: повсюду валялись разбухшие от влаги деревяшки, прогнившие остовы кроватей, согнутые столовые приборы, тряпки, коробки. Мусор возвышался мертвыми кучами.

– Как тут найти чьи-то кости? – ужаснулась Наташа.

И услышала шелест ветра: «Помоги... Они там... Леее...»

Тело пронзила невидимая стрела. Пальцы сами потянулись к груде хлама. Кир хотел отстранить Наташу, но та намертво вцепилась в ржавый костыль, которым принялась ворошить вещи. После, забыв обо всем, разрывала кучу голы-

ми руками. Кира она не слышала – его голос потонул в пустоте.

– Тут.

И она с натугой выудила наружу холщовый мешок. Тяжелый до невозможности. Наташу передернуло от мысли, что там находятся чьи-то останки.

– Уверена?

Кир был мрачнее тучи.

– Проверять не хочется. – Губы изогнулись в подобии улыбки. – Надо копать яму?

Наташу бы не удивило, если б Кир всучил ей лопату. С него станется.

– Уже выкопал, пока ждал тебя, – успокоил мальчик. – Таш, ты можешь не принимать в этом участия...

– И не стану. Лучше посижу... У входа... Ладно?

– Хорошо. – Кир с трудом забросил объемный мешок за спину. – Прости меня, я не думал, что... она выберет тебя.

– Угу.

Шатаясь от усталости, Наташа подошла к воротам, где плюхнулась прямо на песок и свернулась в клубок. В душе было пусто. Глубокие вздохи не помогали вырвать из легких засевшие там колючки. Губы пересохли, руки саднило. Ныла и прижатая к животу нога, и спина, и, что хуже, сердце. Образ вытьи прочно засел в памяти, ее крик звучал в ушах осязаемо и четко.

Духи – не выдумка. Они существуют. Они рядом.

– Никаких больше привидений, – подытожила Наташа, погружаясь в спасительный сон.

Глава 5

Домовой и прочая домашняя нечисть

Утро началось с целой палитры звуков. Справа, за окном, возилась малышня; сверху раздавался топот дедушки. Перекрикивались соседки. Лаяла собака, ей отзывалась другая, вдали. Щебетали птахи. Затарахтел старенький трактор (лет ему было больше, чем Наташе). В Камелево закипала жизнь.

Девочка, не разомкнув век, ворчливо фыркнула и перевернулась на другой бок.

Кар-кар.

Придавила голову подушкой.

Трых-трых. Чирик-чирик. Ур-мяу!

Заткнула уши пальцами. Безрезультатно.

– Шмотри, куды преш-шь! Понакупили дребезжалок! – ругалась баба Клава из соседнего дома. Старушка она была крайне ворчливая, и раздражало ее все вокруг. Она намеревалась догнать велосипед, чтобы наkostenять его владельцу (о чем кричала во всеуслышание), но тот благополучно смылся. Вдали разносился лишь глумливый звук звонка.

Тын-тын-тын.

На кухне под бурчание радиопередачи гремела посудой бабушка.

«Встаю», – решила Наташа, потирая глаза кулаками.

Что-то в привычном действии было иначе. Она уставилась

на царапину, тянущуюся от ладони до самого локтя.

И она все вспомнила. Непроглядную чашу, звездную ночь, мрачные комнаты. Духа.

Пружины надсадно скрипнули, когда Наташа вскочила с кровати.

— Где же, где же, где же? — как заведенная повторяла девочка, вываливая на пол содержимое рюкзака, которое падало и раскатывалось во все стороны.

Тетрадь нашлась последней, а в уголке седьмого листка был криво нацарапан стишок для призыва домового. Не оставалось никаких сомнений. Все взаправду.

Наташа замерла. Быть такого не может. Ей почудилось! Она и проснулась не у больницы, а в родной постели. Правда, проснулась одетая...

Точно! Кир ее с трудом добудился — девочка недовольно мычала и пихалась всеми конечностями, — затем проводил до дому, а там она на автомате залезла под одеяло и утонула в долгожданных сновидениях.

И что делать с новыми знаниями? Куда их применить?

В комнату прокрался сладковатый аромат Наташиной любимой манной каши. Сдобренной малиновым вареньем, вкусной-вкусной — такую умела готовить только бабушка, потому что у мамы всегда получалась не каша, а сборище комочков. Желудок напомнил о себе урчанием. И не оставалось ничего, кроме как переодеться в рубашку с длинным рукавом, спрятать руки в карманы и шагать в кухню.

– Доброе утро.

Меж бровями Раисы Петровны залегла складка.

– Как спала? – В вопросе чувствовалась ирония.

– Как убитая... – ничуть не соврала усевшаяся на привычное место у окошка Наташа. – Чего с тобой, баб?

– Напомни-ка мне, с кем вчера гуляла? – в лоб спросила бабушка.

– С Димой.

Тут-то, по тому, как губы бабушки поджались в тонкую ниточку, Наташа и почуяла подвох.

– Наташ, – Раиса Петровна вздохнула, – Дима приходил вечером и справлялся о твоём самочувствии.

– И что ты ему сказала?!

– Что спишь. – Наташа не успела поблагодарить, потому как бабушка суровым тоном продолжила: – А теперь я хочу знать, где ты разгуливала этой ночью.

– Я действительно гуляла... С мальчиком.

– С каким?

– Вы незнакомы.

Бабушке эти слова не понравились настолько, что даже напугали. Дима – дело одно, они с Наташей дружат с пеленок. Совсем другое – незнакомый мальчишка, после общения с которым внучка юлит да обманывает. И пускай Наташа была исключительно примерным ребенком, но Раиса Петровна не понаслышке знала, как у подростков «срывает крышу». Возраст такой: если любовь, то непременно вечная, тут уж не до

голоса разума. Набедокурит ее внучка из-за своей «любви», а потом страдать всю жизнь будет.

– Чем занимались? – допытывалась бабушка. Пальцы ее сжали кружку с чаем.

Наташа отломила от свежей булки кусочек, скомкала его в шарик и медленно прожевала.

– Ничего особенного, побродили по деревне. Туда-сюда...

– Царапина откуда? – Раиса Петровна цепко схватила внучку за запястье. – Он тебя бил?

– Баб, что за глупости? Мы выводок котят нашли, я полезла их гладить, а на меня кошка как набросится. Друг еле оттащил.

Бабушка вроде и поверила, но допрос не прекратила. Внешность, возраст, поведение, оценки в школе и наличие жилплощади – ее интересовало все. А как отвечать-то? Скажешь, что учится на «отлично» – значит, врешь, таких мальчиков не бывает; без особых успехов – разгильдяй, с такими нельзя общаться; средненько – нет понятия «средненького»: или хорошо, или плохо. И везде тупик. У Наташи и так кусок в горло не лез, несмотря на голод, а тут и жевать стало некогда – нужно было придумывать на ходу.

– Ну и зачем вы гуляли? – пошла по второму кругу Раиса Петровна.

– Бабуль, – возмутилась Наташа, – а зачем обычно гуляют люди? Хочется им так.

– Признайся честно, тебе нравится этот мальчик?

– Не-а. – Наташа поковыряла в тарелке ложкой. – Почему ты спрашиваешь?

– Тогда объясни, для чего общаться с несимпатичным человеком? – тут же подловила бабушка.

Наташа зарделась, ход беседы ей совсем не нравился.

– По-моему, мы говорим о разных вещах. Как приятель он симпатичен. Я думала, ты спрашиваешь о... ну... о любви. Но я его точно не люблю! Клянусь!

– Тогда все понятно.

Бабушка принялась протирать стол тряпочкой.

– Что понятно, баб?

– Ну, вы же вроде как с Димой на свидания бегаєте, вот меня и удивило, что ты втихомолку от него гуляешь незнамо с кем.

– Чего?!

Брови поползли наверх.

– Я неправа? – не поняла Раиса Петровна.

– Нет, конечно! С чего ты взяла? Мы – друзья!

– Наташ. – Бабушка, стряхнув крошки с тряпки в ведро, вернулась к внучке и со знанием дела улыбнулась. – Взрослый парень не станет просто так носиться за девочкой, которую видит раз в год. Ты ему явно небезразлична. Мы с твоим дедушкой тоже всю юность за одной партой сидели, а сделал предложение – не отказалась. Я тебе по секрету скажу: не бывает дружбы между женщиной и мужчиной.

– Бывает!

– Тебе так кажется, милая.

– Я уж точно лучше знаю!

Спор перетек в новое русло. Они бы пререкались до обеда, но на веранде появился дедушка. Он разбавил разговор шумными движениями и хрипловатым голосом. Дедушки всегда было много, он заходил в комнату и занимал ее всю, до последнего кусочка.

Наташа завидовала собственной бабушке, потому как той достался в мужья настоящий красавец, которого ничуть не испортила старость: седовласый, с небесно-голубыми глазами и настолько белозубой улыбкой, точно из рекламы зубной пасты. А какой добрый! Беззлобный. Мирный. Покладистый. Самый лучший на свете.

– О чем сплетничаем, дамы? – Дедушка потрепал Наташу по челке и с кряхтением уселся за стол, ожидая, пока бабушка выложит в глубокую тарелку половину кастрюли каши.

– Борь, как думаешь, Наташенька встречается с Димой?

– Слово-то какое... «встречается», – он скорчил недовольную гримасу. – Красивее определения не нашлось?

– Борь, не вредничай, а лучше ответь.

– Разумеется, встречается.

Застывшая с ложкой у рта Наташа дедушку ничуть не смутила. Наоборот – раззадорила.

– Ты зря краснеешь, Натуська. – Тяжелая рука легла ей на плечо. – Я выбор одобряю: парень не пьет, во всякие авантюры не лезет, учиться планирует в техникуме. Хорош же-

них-то.

– Мы только друзья! – процедив это, Наташа выскочила наружу.

Она долго отсиживалась в беседке, облупливая краску со стола. Тень от облаков переползала с одной грядки на другую. Кулаки сжимались и разжимались, а в уголках глаз появлялись, но тотчас высыхали злые слезинки.

Почему никто не верил в существование их с Димкой дружбы? А что же тогда это, если не она? Всего-то прогулки летом, зимой – постоянная переписка в Интернете, небольшие сувениры по поводу и без – для поднятия настроения.

Но, если подумать, то не этим ли занимаются влюбленные парочки?

Нет же! Нет! Ерунда!

Необходимо разузнать у Димы, как он относится к их «отношениям». Но позже, когда Наташа перестанет чувствовать себя предательницей.

Тень добралась до забора. Полуденное солнце немилосердно жарило лопатки. Наташе наскучило бесцельно сидеть да обижаться на весь мир. По стеночке и оглядываясь, словно воришка, она прокралась в дом. Так, дедушка с бабушкой ушли. Наверное, за продуктами на рынок. Наташа забежала в свою комнату, схватила тетрадь и зачитала заклинание.

– Домовой-домовой, приходи-ка на покой. Я тебя призываю. Тебе зла не желаю. Со стола угощаю! – во весь голос вскричала она.

А затем принялась заглядывать в каждую щель, мало ли, где затаился домовой.

Безрезультатно.

– Домово-о-ой, – после седьмой неудачной попытки неуверенно позвала Наташа. – Ну что за несправедливость. Ты где там?

На кухне что-то со звоном разбилось.

Готовая к чудесам Наташа, вбежала туда, но ничего не обнаружила, кроме кошки, торопливо слизывающей с пола сметану. Рядом валялись осколки банки. Понятно, смахнула лапой и уплетает, пока не нарутали за хулиганство.

– Неужели Кир надул? – огорчилась Наташа. – Блин.

– Оладушки, – съязвил чей-то писклявый голос.

Вздрогнув от неожиданности, Наташа развернулась на звук. И ойкнула от удивления. Увиденное превосходило все ожидания.

На одной из полок кухонного серванта, свесив с края ножки, сидел мужичок размером с мужскую ладонь. Одет он был в кожаную куртку, которую Наташа давным-давно купила для куклы-Кена, но по растерянности куда-то задела. Зато теперь не осталось сомнений, куда именно, а точнее – кто именно ее своровал. Одежка была маловата, посему хоть и держалась на могучих квадратных плечах, но расползалась по швам. Вместо брюк домовый вырядился в грубо сшитые красной ниткой штаны из кусочков махрового полотенца ядовито-зеленой раскраски. Ноги были босы. Пятки

были чернющие, видать, купания домовой не переносил.

Сказки нагло ввали. Никакой седой бороды не было, впрочем, как и любой другой растительности на абсолютно лысой голове – разве что по-девичьи пушистые реснички да кустистые светлые брови.

– Молочка? – пытаюсь справиться с растерянностью, пролепетала Наташа.

– Лучше сальца. С папироской, – потребовал домовый. – Да побыстрее.

Выбора не оставалось – просит же. Достав сало из холодильника, Наташа хотела отрезать кусочек по размерам существа, но существо проворно прыгнуло ей на плечо, а после, перебравшись на стол, жадно откусило от целого шмата.

– А сигарет не найду – все у дедушки, – уточнила Наташа.

После она на всякий случай отошла от малюсенького мужичка подальше. Прошрое ее знакомство с нечистой ничем хорошим не закончилось. Нет, закончилось, да только для нечисти.

– Эх, ты. Ладно, и так покатит.

– Как тебя зовут?

– Добрыня Никитич, – известил домовый.

– Да?

– Шутка, – тут же загоготал он. – Приятно познакомиться, Владимир Красно Солнышко.

Он протянул ладошку, но Наташа не спешила ответить на рукопожатие. В ее взгляде появилась лукавость.

– То есть Русь крестил именно ты?

– Все-то знаешь, девчонка. – Гость сплюнул горошинку черного перца и сыто отрыгнул. – Эх, на самом деле меня кличут Лютым. Без базара.

А что, имя подобрано в точку: больше всего существо на поминало уменьшенную копию криминальных братков. Наташа раньше любила смотреть российские сериалы, и там изображался именно такой типаж. Голова выбрита начисто, через всю левую щеку тянется шрам. Голосок, правда, подкачал, но кто сказал, будто не бывает пищащих «бандитов»?

– Приятно познакомиться, я – Наташа, – отсмеявшись, представилась она.

– Приятно сожрать оставленную размораживаться курицу, а обставить дело так, чтобы попало кошке. А как тебя звать – мне по барабану.

Лютый поковырялся в ухе.

– Ну и ладно.

– Лучше скажи, че тебе надо от меня? – хамовато спросил домовый.

– Шоколада, – в тон ответила осмелевшая Наташа.

– Ха-ха, не смешно. Ну? Я долго ждать не буду, мое время стоит таких деньжищ, что тебе и не снилось.

В голосе появилось нетерпение. Для пущей убедительности Лютый побарабанил по столешнице сразу и руками, и ногами. Замершая на табуретке у стола кошка осторожно принюхалась к домовому, даже облизнулась, но на вкус пробо-

вать не отважилась, только ошетибилась, готовая к нападению.

– Чем ты занимаешься? – перевела беседу в мирное русло Наташа, взяв кошку на руки и усевшись на краешек стула. – В доме убираешь?

Кошка зашипела, а затем вырвалась и выбежала в коридор, откуда, прижав уши, пялилась на маленькое вертлявое существо.

– А оно мне надо? – показав животному язык, удивился домовой.

– Но в сказках...

– В сказках из нашего брата чучело огородное делают! – Лютый глянул на соломенную фигурку над дверью. – Похож?

– Не особо.

– Конечно, я ж это... лучше. Кстати, если накормишь – узнаешь, че умею. А нет – так топай отсюда.

– Ты и так половину сала умял. Не буду я тебя кормить! – шуточно погрозив кулаком, вознегодовала Наташа.

Лютого ответ не устроил, но похвастаться собою ему хотелось больше, чем прогнать Наташу.

– Жадина. Так и быть, задарма расскажу. – Он призадумался, пожевал ноготь, вновь сплюнул на пол. – О! Вспомнил. Искусно взбиваю подушки и вытаскиваю из них перья, подсматриваю в дырку бани, тем самым, между прочим, ого-раживая вас от подглядывания другими. Ягоды помогаю собирать.

Речь Лютого приобрела высокопарные нотки. Он так гордился тем, что пакостничал!

– Себе в рот? – понимающе закончила Наташа.

– Нет, – Домовой поджал губы, – обижаешь. На землю ро-
няю...

– Понятно. Никакого толку от тебя. Ноль без палочки.

Наташа сложила указательный и большой колечком.

– Слухай, девчонка, а чего ты ожидала? – обиделся Лю-
тый. – Прынца заморского?

– Ну, уж точно не карманного хулигана!

Домовой за ответом за пазуху не полез, но и Наташа не от-
ступала, поэтому вместо толкового диалога посыпались вза-
имные упреки. Обсудили все: вес, рост, достоинства и недо-
статки друг друга. Да так бы и переругивались до хрипоты,
если бы не заверещал дверной звонок. Лютый мигом исчез
за холодильником, а Наташа открыла дверь.

Глава 6

Никаких сомнений!

На крыльце стоял Дима. Судя по заспанным глазам, встал он недавно. Это подтверждали и помятая футболка, и зевания во весь рот, и растрепанность: чуб так вообще топорщился, словно иголки у ежика. Друг радостно поздоровался:

– День добрый, болящая.

Наташа помахала рукой, хотя на секунду застыдилась даже смотреть на Диму. А вдруг бабушка не придумала?.. Что называется, закрался червячок сомнения.

– Привет. Чай будешь?

– Ага, с сахаром. О, сало кушаете, а мне не предлагаете! Можно?

Наташа покосилась на надкусанный шмат. Не заразно ли кушать после домового? Правда, Дима не особо-то и спрашивал разрешения, а сразу отрезал кусок толщиной с палец и запихнул в рот, помотав головой на предложенный хлеб.

– Пока ты отлеживалась, мы зажигали. Я домой с рассветом приплелся и сразу завалился спать, – прожевав, ответил он. – Четыре ложки.

– Уже четыре? – Наташа перемешала приторную жидкость и вручила ее другу. – Там три. Тебе хватит, а то слипнется.

– У, заботливая моя. Сама как? Голова болит?

– Полегчало...

– Здорово! А то ты вчера столько пропустила. Приехали мы, значит, к речке...

И Дима излил на Наташу нескончаемый поток информации: шуток, сплетен, диалогов. Объяснялся он интересно, но долго, да и не забывал о еде, поэтому к концу рассказа со стола исчезли блины, пирожки и другие мало-мальски съедобные продукты. Бабушка такой прожорливости только радовалась, а вот Наташу удивляло: куда же столько влезает?

– О тебе все спрашивали, – грустно закончил друг, обтерев пальцы о джинсы. – Ребята очень хотели тебя видеть.

Вряд ли компания Димы всерьез огорчилась ее отсутствию. Девочка ни с кем особо не ладила, держалась особняком и любимицей у ребят не была. Небось, спросили, где Дима Наташу потерял, да и забыли. А друг, как всегда, украшает.

– Сама жалею, – поддакнула Наташа.

Не признаваться же, что вчера она поверила в волшебство, а это в разы круче, чем рыбалка у озера. Хотя нет, она до сих пор верила с трудом в то, что видела. Чувствовала. Слышала. А друзья Димы никуда не денутся...

– Ты какая-то не такая.

Дима взъерошил пятерней короткую челку и пристально уставился на Наташу. В тревогах подруги он разбирался отлично – не просто ж так знал ее всю жизнь.

– Нет, такая, то есть обычная, – без уверенности ответи-

ла Наташа и, помедлив, добавила: — Дим, а можно кое-что узнать?

— Валяй.

И сваяла бы, да появилась проблема: как спросить-то так, чтобы не сглупить или не обидеть?

«Я тебе нравлюсь?» — кажется, будто самой Наташе захотелось романтических отношений, вот она и «прощупывает почву».

«Почему у тебя нет девушки?» — отличная фраза, если хочешь навсегда порвать любое приятельство. К тому же, честно говоря, Наташу это никогда не интересовало. Нет — значит нет. Его проблемы. Зачем на пустом месте закладывать комплекс неполноценности — так это называл школьный психолог.

А по-другому вопрос поставишь, честно признаешься о словах бабушки — получится грубо, «в лоб». И какое из трех зол меньшее?

— Мы — друзья? — не придумав ничего лучше, выпалила Наташа.

— Э... Ну, да. Возникли сомнения?

Дима сдвинул брови.

— Нет, — поспешила успокоить его девочка. — Вдруг... ты огорчился за вчерашнее.

— Глупости городишь, Наташенция. — Он задумался, но, щелкнув пару раз пальцами, что-то вспомнил и заговорил: — Слушай, заболтала ты меня. Я ж с предложением.

– Ась?

– Пойдем в поход?

– Только ты и я? – с испугом пискнула Наташа.

Кажется, Диму вопрос удивил до глубины души. Он даже отставил чашку с чаем, чтобы освободившейся рукой схватить ладошку подружки и зажать ее в своей.

– Что с тобой?

– Все... хорошо, – ловко выскользнув из «плена» и стараясь вернуть голосу твердость, убеждала Наташа.

– Тогда не понимаю вопроса. В поход мы ходим все вместе.

– Просто пошутила. Неудачно. Хе-хе-хе.

Под кожей расплзался липнувший к внутренностям страх. Что, если бабушка права? Как общаться с Димой так, чтобы каждый раз не бояться заглядывать ему в глаза? В книгах писали, что по взгляду и определяется любовь. Дескать, посмотришь и все прочувствуешь. Жаль, Наташа не знала, какие именно признаки следует искать: нездоровый блеск, частоту морганий или расширенность зрачков.

– Ну, идешь с нами? – напирал Дима.

– Да-да, – только бы отстал, ответила Наташа, сосредоточенно рассматривая его лицо.

Ничего сверхъестественного. За полминуты трижды закрыл глаза – значит, моргает примерно раз в десять секунд; на нее не смотрит, потому что разглядывает разбитую банку, которую Наташа не успела убрать – считалось ли что-то из

этого началом великих чувств?

Допив чай, Дима с важным видом оповестил, что вернется вечером, и ушел, захватив оставшийся кусочек сала.

А Наташа глупо кивала, погруженная в нерадостные размышления. Разумеется, об обещании она напрочь забыла сразу же, как только Дима перепрыгнул через низенький забор.

«Зачем он хочет прийти? – спросила себя Наташа. – Ладно. Как появится, так и узнаю».

Пока же она отправилась искать книги по психологии влюбленных людей. Правда, у бабушки таковых не нашлось, лишь многочисленные детективы в ярких обложках да пыльные тома медицинских энциклопедий. Последние Наташа, кстати, полистала, даже узнала, как определять болезни желудка и нервный тик. А вот про любовь – ни слова.

Интернет тоже молчал. Нет, статей было столько, что и за год не прочитаешь, но все какие-то неавторитетные. Как можно верить написанному, если автор не знаток в любовных делах?

«Ну, хотя бы язвы у Димки нет», – с облегчением констатировала Наташа, доставая спрятанный в ящике стола дневник. Она улеглась на кровать с тетрадкой, записала несколько обрывистых фраз, без интереса осмотрела дощатый потолок.

Событий скопилось столь много, что они расплзались как десятки голодных тараканов, ускользая в последний мо-

мент из памяти вместе с кусочками воспоминаний. Эмоции, детский восторг, недоверие переполняли Наташу до краев. Красивых слов не хватало для описания случившегося, поэтому из-под шариковой ручки выплывали одни только многоточия да закорючки.

Припекало солнце.

В общем, Наташа сама не заметила, как уснула.

Разбудили ее назойливый стук в окно и сварливые нотки в голосе заглянувшего внутрь спальни друга:

– Ты спишь?! Вещи-то хоть собрала?

– Зачем? – уточнила сонная Наташа, отвернувшись к стенке. – Какие?

– Ната, я тебе о чем днем говорил?

– О том, какое вкусное домашнее сало, – припомнила Наташа.

– Нет! Я говорил, что мы идем в поход!

– Да?.. Ой, совсем забыла.

Дима от такой наглости аж разинул рот. Так и стоял, хлопая ресницами, и не мог подобрать ядовитого ответа.

Наташа с трудом подняла тяжелую от пересыпа голову с подушки. Какая тут поездка, если тело до сих пор не проснулось? Оно ватное, непослушное, будто отекавшее. Но уходить друг не собирался – он отличался особой настырностью и раз уж решил, что поедет вместе с Наташей, то ту не спас бы и ураган.

– Дим, дай мне переодеться. Я быстренько соберусь, – за-

метив, что Дима усаживается на подоконник, уступила Наташа.

– У тебя пять минут. Время пошло. Один... два...

– Иди уже! Надо же, удумал приказывать!

В друга полетела увесистая подушка. Дима, прицельно метнув ее обратно, скрылся за окном. Наташа зевнула. Событий бухнуться в постельку и спать дальше был велик, но под бурчание друга все равно не уснуть, посему она начала подыскивать подходящую одежду.

Да, задачка. К каникулам в деревне Наташа готовилась основательно: набрала и легкие платья, которые не носила, но не могла отказать купившей их маме; и шорты с майками – те мама называла «неженственным барахлом». Каждый раз, жарко споря о том, как одеваются девочки, мама и дочь совершенно забывали уложить в сумку теплые вещи. В скудном ассортименте ее старого здешнего гардероба, кроме двух кофточек и пары джинсов, был лишь один старенький свитер, забытый Наташей несколько лет назад. А единственные кроссовки недавно прорвались на пятке, значит, и из обуви остались босоножки да резиновые сапоги в нелепый цветочек – подарок папы.

Наташа повторно осмотрела полочки комода, будто бы там могло что-то появиться. К ее сожалению, все осталось прежним.

Пришлось побегать по всему дому. Обувь отыскилась на веранде: старые замызганные кеды, которые давно ей разо-

направились и были убраны на «черный день» бабушкой. Запасные джинсы легли внутрь рюкзака, мамин пуловер, также впопыхах оставленный у бабушки с дедушкой, – туда же.

Что-то забыла?

Собираться всегда сложно. Взять хочется многое, и вместо предметов первой необходимости в сумке обычно оказываются книги, безделицы, недовязанные – между прочим, третий год! – носки.

Срочно требовалась консультация.

– Д-и-им! Помоги!

– Слушай сюда, – не высовываясь, с военной четкостью проговорил друг, словно собирал новобранца в армию. – Зубную щетку взяла? Пасту?

– Есть.

– Салфетки?

– Так точно, сэр, – не выдержав, козырнула Наташа.

– От комаров ничего не бери – все у меня. Расческа, полотенце?

– Ага. Спальник?

– Нет. Я захватил два. Ну и по мелочам прихвати. Что нужно лично тебе?

Наташа с любопытством взглянула на увесистую фантастическую книгу, которую никак не могла осилить, но передумала. Ибо тащить сокровище придется на своей спине, а времени для чтения попросту не найдется. И что с ней делать? Мух отгонять?

Зато понадобится плеер – чтобы наслаждаться звездной ночью под мелодии любимых песен; ручка, тетрадка – вдохновение, как говорил малоизвестный поэт по радио, настигает в самых неожиданных местах. Кажется, еще он утверждал, будто его оно однажды настигло ночью в темной подворотне, где он и сочинял до рассвета. Вдохновение такое, непонятное.

Покончив со сборами, девочка передала тяжелую сумку Диме. Пока он вопрошал, не положила ли подружка туда кирпичей, Наташа оставила на зеркале записку для бабушки. И лишь тогда смогла с чистой совестью уйти из дома.

Их компания обожала походы. Располагались ребята всегда в одном и том же месте: в глубине леса, на небольшой полянке, в нескольких метрах от Безымянного ручья. Путь туда предстоял долгий, но, на счастье Наташи, в этот раз топтать пешком несколько километров не пришлось – довезли на машине.

Всего их собралось восемь, вся Димкина компания. Четыре парня и столько же девочек. Пока мальчишки, кряхтя под тяжестью сумок, ушли расставлять палатки, девочки расселись на трухлявых пнях, чтобы пообщаться. Попросту говоря, перемыть косточки общим знакомым да посплетничать.

Наташе было неуютно. С друзьями Димы она за несколько лет так и не сдружилась, но на большинство встреч ходила – боялась обидеть его отказом. И каждый раз, потупившись, сидела в сторонке и старательно выдавливала улыбку,

а на вопросы отвечала односложно, иногда ограничиваясь бессвязным мычанием. Ее недолюбливали – это было видно, – но не гнали. Дима так и не понял, что Наташа «чужая», а она ему не признавалась.

– Как погода в городе? – пренебрежительно спросила Ирина Смелова, рослая блондинка шестнадцати лет.

– Не знаю. Я с июня в деревне, – через плечо бросила Наташа, выискивая взглядом среди копошащихся, как муравьи, мальчишек Диму.

– Ах да, мы ведь две недели назад виделись. Я почему-то забыла.

Она будто бы хотела добавить: «Потому что ты сидела и молчала, как серая мышь», но вместо этого только ухмыльнулась. Наташа и сама прекрасно додумала недосказанную часть.

Оставшиеся девчонки – Даша и Катя, – выслушав подругу, одобрительно помотали головами. Две приятельницы, похожие друг на друга подобно каплям воды, не имели ничего примечательного во внешности: темные волосы, карие глаза, чуть полноватые фигуры, – посему терялись на фоне Ирины. В их троице заводилой была именно Смелова, как самая взрослая, авторитетная и не признающая чужой правоты – то есть неоспоримый лидер.

– Сами как поживаете? – замяла неприятный вопрос Наташа.

– Все в порядке, – стремясь подражать деловому тону

Ирины, ответила Даша. – Вчера на рыбалку с ночевкой ходили.

– Да, – поддакнула Катя. – Мне понравилось.

– А мне – нет, – скучаяще вставила Смелова. – Мухи какие-то всю ночь над ухом жужжали, искусали всю. Наутро замучилась синяки тональником замазывать. Полтюбика за сто баксов извела.

«Как же, не огласить цену ты не могла», – с отвращением подумала Наташа, не прекращая сочувственно кивать.

Кто бы знал, как ей хотелось огреть заносчивую девицу по башке. Но, во-первых, выиграл гуманизм, во-вторых, ничего тяжелого рядом не наблюдалось.

Три подружки плавно переключились на обсуждение косметики, в познаниях которой Наташа не могла проявить эрудиции: пользовалась только тушью да блеском для губ. Но приходилось слушать и грустно вздыхать в такт их беседе, чтобы не выглядеть совсем уж нелюдистой.

Можно было сбежать к Диме, но тот вместе с остальными подтаскивал к будущему костру бревна. Ему сейчас не до Наташи. Подружки взялись обсуждать нашумевший кинофильм и то, какой симпатичный в нем главный герой. Вообще-то актер был ушастый и пучеглазый, но Наташа смолчала. Ее же не спрашивали.

Вскоре вспотевшие мальчишки, поставив палатки и разведя костер, оповестили женскую половину о том, что жилище построено, а мужчины заслуживают обеда.

Готовку поручили Даше, Катя помогала ей чистить картошку, правда, делала это без особой охоты – в мусор летели шкурки чуть ли не сантиметровой толщины. Ирина ушла переодеваться из одного спортивного костюма в другой – кажется, это называется «переливать из пустого в порожнее», потому как ее костюмы отличались только расцветкой, – а Дима с Наташей привычным маршрутом направились с ведрами и котлом к ручью за водой.

Темнело. В лесу вечер чувствовался особенно: густая крона деревьев скрывала последние лучи солнца, и тени опускались на землю с шести часов. Причем делали это молниеносно: только что тропинка различалась хорошо, но вот уже не увидеть ничего дальше вытянутой руки. Да и прохладнее было, чем в деревне, и сырее.

Одинокая лягушка заквакала при приближении Наташи с Димой – то ли позвала кого-то, то ли поделилась со своими присутствием чужаков. Невдалеке отозвалась ее соратница, и первая со звучным чавканьем попрыгала к ней.

Наташа присела на корточки и, зачерпнув воды в ладони, щедро плеснула вначале себе на лицо, а после – в спину друга.

– Эй! – по-детски оскорбился Дима. – Так нечестно. Я ее жалею, ведра таскаю, а она?!

И он принялся молотить руками по воде, направляя брызги к Наташе. В итоге вымокшие до нитки друзья, постукивая зубами от холода, побрели к полянке.

Все уже расселись у весело потрескивающего огня. За простеньким ужином ребята наконец-то разговорились.

– Плохо, что Натаха вчера не пришла, – посетовал Ваню, поигрывая накачанными мышцами.

Он приезжал в Камелево на недельку-другую, потом, соскучившись «по прогрессу» и тренажерному залу, уезжал обратно в город. Честно говоря, Ваню был не меньшей зазнайкой, чем Ирина, но раздражал меньше. Может, из-за того, что не пытался лезть к Наташе с придиорками.

Та поморщилась и повела плечами.

– Так вышло.

– Не оправдывайся, – подмигнул Дима. – Сегодня наверстаем упущенное.

И передал ей палку с запеченной до черноты сосиской. Наташа начала есть, часто дуя на обжигающее мясо.

Окончательно стемнело, и подул прохладный вечерний ветер. Ваню взял в руки гитару и хрипловато запел. Забренчала веселая мелодия. Вначале медленно, гладко, но постепенно набирая скорость и пестря несложными переливами, она заставляла каждого притопывать да покачивать головами в такт.

Игорь и Семка – светловолосые близнецы, одноклассники Димы – старательно подпевали. Голосами их природа обделила, да и слова песни они перевирали, но никто не возмущался. Все ж свои, пускай орут на здоровье.

После перешли на страшилки. Выученные наизусть, они

с каждым разом обрастали новыми ужасающими подробностями. Если вначале описывалась обыкновенная женщина, ставшая ведьмой, то на сотый раз она превращалась в костяную старуху, сгоревшую заживо на костре. Если первые три года рассказывали об одичавшем леснике, то на четвертый – об оборотне с кровавой пастью.

Дослушав очередную страшилку, Дима оживился.

– О, я ж не рассказывал про нашу с Наташей прогулку?

– Когда вы встретились с каким-то ненормальным? – с издевкой поинтересовался Семка. – Ты начал, но потом отвлекся.

Наташа скривилась. Никакой Кир не ненормальный!

– Ну, – согласился Дима, подкинув в костер тоненьких березовых веточек. – Наташка, расскажешь?

– Зачем? – буркнула она. – Сам рассказывай.

– От твоего лица интереснее, к тому же он тебе потом посмотреть на кого-то предлагал, помнишь?

Еще как. Но об этом лучше не распространяться. Наташа нервно провела пальцем по запекшимся царапинам на внешней стороне ладони.

– Не особо.

– Как думаешь, обиделся, что слушательница на свидание не пришла и лапшу на уши вешать стало некому? – загоготал Ваню.

– Не знаю, – с нарочитой односложностью ответила Наташа.

– Он с таким жаром втирал нам о существовании духов. Бу-у-у, – завывал Дима. – Утопленников, говорит, видел, по больницам бродил в поисках привидений. Совсем парню заняться нечем, вот и мается ерундой.

– Зря вы его обвиняете, вдруг существуют... – попробовала сопротивляться Наташа. – Разве нет?

– Наталья, нам не тринадцать лет, – фыркнула Смелова. – Тебе самой, кстати, пора прекращать верить сказкам.

– Во-во, – поддакнул Ваню, облизывая жирные пальцы. – А то каждого звука шугаешься. По ночам в кустики ходить не боишься?

Теперь смеялись все. Кроме Димы. Тот громко потребовал прекратить шуточки, и компания незамедлительно притихла. Не зря он был заводилой.

– Спасибо, – шепнула Диме на ухо Наташа.

– Одно дело – издеваться над чудаком, – объяснил тот. – Над тобой – не позволю.

Он прижал подругу к груди, и Наташа, убаюканная теплом, позабыла обо всем на свете.

По палаткам ребята разошлись поздней ночью. Потихоньку голоса затихли, фонарики потухли. В лесу поселилась сонная безмятежность.

Но Наташе не спалось. То не хватало любимой подушки, то – пухового одеяла; то было слишком жарко, то – невыносимо холодно. Поворочавшись в спальном мешке, она окончательно потеряла надежду на сон и осторожно выползла на-

ружу.

Лес спал. Густой туман укутал его плотным покрывалом. Ничто не нарушало покой; лишь со стороны палаток доносилось тихое похрапывание кого-то из парней.

Никого. Только она. В окружении молчаливых деревьев. Освещенных миллионами ярких звезд и огромной луной, похожей на самый большой в мире фонарь.

Внезапный порыв не по-летнему холодного ветра заставил Наташу поплотнее закутаться в куртку. Она уселась у остывших поленьев. В надежде на огонь пошевелила угольки палочкой, но те давно погасли – не отыскалось ни одного рыжеватого отблеска среди черноты. Что ж, обойдется без костра.

Весело захрустели ветки – как в тот раз, с «маньяком», выведшим Наташу из леса. Показалось, будто за спиной кто-то встал и пристально смотрит в затылок.

«Последние нервы испортила с этой вытьей», – ругала себя Наташа, включив фонарик и водя тусклым лучом по округе.

Всего пару дней назад она бы позвала Диму, который непременно защитил бы от любой напасти, а теперь боялась будить друга не меньше, чем злых духов.

Вдруг его симпатия к ней – не плод фантазии заботливых бабушки с дедушкой? И это уже не дружба, а начинающиеся отношения? В которых трусливая Наташа участвовать не хотела.

Ему надо, он пусть и встречается. Сам с собой.

Глава 7

Чудеса

Утренняя побудка началась с задорного крика близнецов:
– Подъем! Свистать всех наверх! Йо-хо-хо!

Мальчишки бегали около палаток и били половником по пустому ведру. Звук получался непередаваемо мерзким, оглушающим. Уши закладывало от дребезжащего звона. О сне не могло быть и речи.

Наташа простонала, посмотрев на экран мобильного телефона. Восемь часов. Спать она улеглась в пять, когда бодрствовать стало совсем невыносимо. Дождалась первых лучей солнца, постепенно окрасивших поляну в алые цвета, и ушла. А теперь вставать...

В горле першило, будто ворочался еж. Наташа не спешила подниматься из нагретого спальника, предпочтя вслушиваться в разномастную брань разбуженных ребят. Девочки безостановочно ныли, а парни ограничились несколькими недобрыми обещаниями того, что сделают с юными террористами, когда их поймают.

Но в итоге все встали. Кто-то отправился за водой, другие ушли умываться. Только когда на месте стоянки поселилась долгожданная тишина, Наташа вылезла наружу, поежившись от утренней свежести. Как же тут хорошо, когда никого нет. Дима вернулся первым.

– О, соня проснулась, – он помахал ей полотенцем. – Доброе утро.

– Доброе ли? – зевнув, спросила Наташа.

– Хорошо, раннее. Так лучше?

– Не особо, но пойдет.

Она пронзительно чихнула.

Потихоньку подтянулись остальные. Закипела вялая утренняя возня, медленно набирающая обороты. Наташу запрягли резать овощи для супа. Точнее, она сама вызвалась, устав слушать скулеж Смеловой о том, как «сложно что-то делать с наращенными ногтями».

Горло продолжало жечь, и ныла голова. Кажется, Наташа заболела.

Позавтракав, мальчишки предложили девочкам отправиться за черникой, которой в этом году было на диво много. Девчонки ради приличия повыпендривались, но в итоге ушли за корзинами.

– Ты с нами? – обратилась к Наташе Катя, повязывая на голову платок.

Наташе с ягодами не везло. Впрочем, не только с ними. Землянику она нечаянно затаптывала, малина постоянно попадалась червивая, грибы разваливались на ошметки прямо в руках. Но не отказываться же, когда приглашают? Она взяла литровую банку – на большее количество черники девочка не рассчитывала, а тары поменьше попросту не нашлось, – и поплелась следом.

Предположения сбылись. Подруги быстренько обирали с низких кустиков пузатые фиолетовые ягоды. Наташа же, разочаровавшись найти хоть что-то лично свое, но постыдившись лезть на участок к девочкам, присела под тонкой осиной. И с изумлением осознала: она устроилась рядом с полянкой рыжевато-красных подосиновиков, от мала до велика, целая россыпь. Наташа не поверила глазам: ей-то казалось, будто это грибы-одиночки и не растут семейками.

На всякий случай она подколупнула один, вдруг порченный, но под красной шапкой спряталась крепкая ножка.

– Девочки! – опешив, позвала Наташа. – А когда растут подосиновики?

– В наших лесах – ближе к сентябрю, – со знанием дела подсказала Катя.

На дворе только-только наступил июль.

Наташа, поджав губы, стала пересчитывать шляпки. Наконец, она решилась отнести одну «галлюцинацию» на осмотр к знатокам.

– Это что? – Наташа протянула на ладошке крепенький гриб.

– Подосиновик, – синхронно ответили Даша с Катей, а Ирина недовольно цокнула, тем самым выражая презрение к глупой спутнице. Хотя сама она в грибах разбиралась на лучше Наташи.

– Спасибо... – И, подумав, попросила: – А корзинку не одолжите?

Катя подала свою запасную, и Наташа отправилась обратно. Грибы остались на прежнем месте. Выходит, не почудилось.

Ползая на коленках, она набрала штук с тридцать красноголовых красавцев, после чего хотела облегченно выдохнуть, но заметила рядом с едва протоптанной тропинкой кустики земляники, которые сгибались под тяжестью спелых ягод. Почему их не разглядели зоркие девчонки – загадка, но Наташа не стала упускать, возможно, единственный в жизни шанс.

Когда подружки почти обобрали чернику с одного участка, у Наташи уже была половина банки земляники.

– Небывальщина какая-то, – обозвала она ситуацию вполголоса.

В трех шагах от осины росло несколько белых грибов. На шляпки налипли листочки, будто панамки.

Примерно через десять минут, буквально опустошив все в зоне видимости, Наташа присела обратно под дерево.

– Чего отлыниваешь от работы? – прикрикнула Ира. – Тут вон сколько черники.

– Мне некуда складывать, – смущенно призналась Наташа, встряхнув набитой доверху корзинкой.

Троица в секунду оказалась рядом с ней. Девочки, хлопая ресницами так, будто пытались взлететь, рассматривали собранное, а Наташа потихоньку пожевывала землянику. В корзинке кучно лежали белые грибы, подосиновики и подбе-

резовики (хотя рядом не росло ни единой березы). В общем, на любой цвет и вкус.

Обратно Наташа вновь тащилась следом, но уже потому, что корзинка с грибами оказалась слишком тяжелой. Она чуть отстала, девочки скрылись за деревьями. Только Наташа хотела их окрикнуть, как со всех сторон донеслось тихое, но отчетливое:

– Убирайся отсюда...

Так, наверное, шепчет ветер. Он и снизу, и сверху, и с боков. Задрожала листва деревьев, всколыхнулась трава. Сыто чавкнула мшистая болотная кочка. Наташа нервно оглянулась, но никого не увидела. Ей стало очень страшно. Так страшно, что и словами не описать. Она понеслась за тремя подружками, отбивая коленку тяжелой корзинкой. И нагнала их у самого лагеря.

У мальчишек глаза полезли на лоб, когда они увидели добычу Наташи.

– Все твое? – присвистнул Ваню.

«Да», – подумывала ответить она, чтобы утереть нос зазнайкам-приятельницам. Но доброта взяла верх над эгоизмом.

– Общее.

Ирина расплылась в улыбке и показала ей большой палец. Видимо, это означало начало дружбы. Только вот Наташе эта дружба была совершенно ни к чему.

– И много грибников обокрали? – полюбопытствовал

Игорь. Или Сема. Кто этих близнецов вообще разберет?

Девочки наперебой принялись жаловаться, как они – разумеется, теперь «они» – истерли все ноженьки, пока нашли столько добра. Наташа предпочла смолчать. О ней все равно все позабыли. Эх, говорила мама, что слишком добрым быть вредно – все этим пользуются.

Голова напомнила о себе жгучей болью. Подташнивало. И тот голос... Почудился ли он ей или был настоящим? Почему Наташа должна убираться?..

Она уселась на краешек бревна спиной к затухающему костру и уставилась в одну точку. Обеспокоенный Дима легонько потряс подругу за плечо.

– Совсем тяжело?

– А? – непонимающе переспросила Наташа.

– Выглядишь плохо, говорю. Побелела вся, взгляд никущий. Ты там случаем грибочков сырых не поела?

– Скорее – заболела.

Ее вдруг зазнобило, затрясло.

Дима приложил тыльную сторону ладони ко лбу подруги и присвистнул:

– Можно жарить котлеты. Срочно везем тебя домой.

– Какое «домой»? – возмутилась она. – Я в порядке. К тому же не хочу, чтобы из-за меня вы уезжали.

– А кто сказал, что я заставлю всех уйти? Ты ж не умирать задумала. Нет? Тогда уедем только мы. Одежду собрать сможешь? Я пока попрошу Ваню довести нас до твоего дома.

Наташа и не помнила, как проходили сборы. Вещи сгребались в рюкзак, замерзшие пальцы с трудом застегивали кармашки. Вроде были даже чьи-то печальные вздохи: «Вы ей хоть землянички отсыпьте», «Жаль, что уезжает», «Может, останетесь?». В горечи сожаления явно слышались фальшивые нотки.

Все смешалось в одну смазанную картинку: погрузка в старенький «жигуленок», кочки, противный запах автомобильного ароматизатора-елочки. Желудок, казалось, собирался вывернуться наружу.

Вано негромко включил радио, и по салону расползлась спокойная музыка. Сон прокрался в голову, ударил по затылку.

Проснулась Наташа уже в собственной постели.

Пять дней она пролежала в кровати, ослабшая донельзя. Грипп властвовал над ней долго, нудно, изматываяюще. Читать книги или смотреть фильмы было невозможно – разом накатывала усталость. Наташа или спала, или пиялилась в потолок.

– Умудрилась же простудиться в жару-то, бедная моя, – причитала бабушка, смачивая высухшее полотенце и аккуратно укладывая его на горячий лоб внушки.

Дима пробирался в дом каждый день, но успевал лишь поздороваться с подругой и сбежать через окно, подгоняемый бурчанием Раисы Петровны:

– Дурной, что ли? Самому захотелось слечь на месяц? Вот

заведем сторожевую собаку – посмотрим, как будешь сигать от нее через забор!

Так и текли минуты. За ними – часы. Солнечные дни сменялись прохладными ночами. Наташа погрузилась в постельный образ жизни. Поэтому, когда на шестой день она проснулась бодрой и не ощутила ломоты в суставах, – восторженно выдохнула.

Воздух будто наполнился ароматами выпечки, цветов и счастья. Как именно пахнет последнее, Наташа объяснить не могла, но знала, что его запах вкуснее всего прочего. Роса напминала крошечные алмазы, раскиданные по изумрудной траве. Голубое небо слепило глаза. Ругань соседей, мычание коров, лай привязанных к будкам псов – все воспринималось по-другому, без обыденного безразличия.

Вначале Наташа плотно позавтракала. После умылась холодной водой. И с новыми силами закрутилась в привычном ритме: заполнила дневник, позвонила маме, забежала к Диме. Тот порывался забрать подругу на очередную прогулку, но Наташа отказалась. Дел, по ее словам, было слишком много.

На самом деле она просто хотела побыть одна. Между ней и Димой что-то происходило. Она видела, как он улыбался, когда обращался к ней по имени. И как дотрагивался до ее ладони. По-новому. Это пугало, потому что Наташа и улыбалась, и дотрагивалась до него *как прежде*. И вот теперь она хотела переждать эмоциональный раздрай. Спрятаться в

норку и не высовываться. Как зимой – под шерстяное одеяло.

Итак, занятий не было. Пробовала ходить из угла в угол – наскучило. Долго звала Лютого – бесполезно, он так и не появился. К чтению интерес разом пропал – душа требовала свершений.

Наташа начала наматывать круги вокруг дома, надеясь на тот самый «авось». Вдруг яблоко на голову свалится или, что предпочтительнее, приключения. Хоть мишень на лбу рисуй.

Бабушка с дедушкой укрылись от солнца в тенистой беседке, увитой вьюнком. Дед обнимал жену за плечи, а та залиристо хохотала, когда муж невпопад отвечал на вопросы кроссворда.

«Смешные, – тепло улыбнулась Наташа, – столько лет вместе, а ведь любят друг друга».

А как приходит любовь? Кто ее знает... Уж точно не спрашивает разрешения у тех, к кому собралась нагрянуть. Получите, распишитесь, страдайте и будьте счастливы, живите долго и умрите в один день.

После таких размышлений она пригорюнилась. Одиночество за целый день совсем заело. Сама, конечно, виновата – нечего было сбегать от единственного друга.

– Что я, без него не проживу? – сквозь зубы просвистела Наташа. – И без его помощи смогу себя развлечь.

И только она собралась зайти на четвертый круг, как услышала бабушкин голос:

– Наташ! Иди сюда!

Она мигом оказалась рядом с беседкой.

– Тебе вокруг дома не надоело ходить? Совсем нечем заняться?

– Не-а, – призналась она.

– А Дима? – Дедушка сощурил левый глаз. – Сходите в кино.

– Не хочу... В вашем кинотеатре идут фильмы пятилетней давности.

– Ну а тот молодой человек, с которым недавно гуляла? – напомнила бабушка. – Он что?

Точно! Кир! Идея увидеться с ним, может, и неплохая, только где его искать? В прошлый раз мальчишка не оставил никаких данных о себе.

– А он... Он... Баб, дед, вы видели у нас светленького высокого парня? Нет? Неместный он. Знать бы, где живет.

– Натусь, – дедушка грустно отмахнулся, – сейчас таких «светленьких» – каждый второй.

– Ну, он не очень... – окончательно запуталась Наташа. – Не блондин, просто... Понятно объяснила?

Бабушка прыснула.

– Внученька, ты прекрасно описала его внешность.

Дедушка что-то шепнул на ухо жене, и та, погрозив мужу кулаком, повторила вопрос для Наташи:

– Прячется от тебя?

Девочка пожала плечами. Может, и так. Или просто не до-

гадывается, что его хотят увидеть. А что? Приятный мальчик, чуточку загадочный, в меру серьезный – с таким интересно.

– Не кисни, Натусь, – посоветовал дедушка. – Лучше помоги мне со сканвордом. Слово из пяти букв. Хлебобулочное изделие, которое кончилось в доме.

– Батон, – прекрасно поняла намек Наташа.

– Какая у нас умная внучка! Сходишь?

Он достал из нагрудного кармана сто рублей, а затем заговорщицки шепнул:

– Сдачу оставь на мороженое.

Наташа расплылась в улыбке. В детстве она так и поступала: покупала хлеб за десятку, а на остальное затаривалась конфетами. Потом усиленно чесалась от аллергии, покрывалась жутковатыми пятнами, зато ходила исключительно счастливая. Именно так оно, счастье, и пахнет: конфетами и детством.

Раньше все было иначе. Когда мама с зарплаты покупала Наташе «Рафаэлло», та съедала пачку медленно, растягивая удовольствия. Сейчас она сама покупала эти конфеты на карманные деньги и ела без всякого наслаждения. Конфеты как конфеты, ничего особенного.

Исчез прекрасный аромат чуда...

А с ним исчезло и счастье.

Глава 8

Долгожданная встреча

Наташа возвращалась домой в приподнятом настроении. Во-первых, продавщицей в небольшом сельском магазинчике работала приветливая тетя Люба, которая оправдывала свое имя безудержной любовью ко всему. Она была очень приветливая и открытая, а главное – добрая. Воспользовавшись случаем, Наташа невзначай спросила о светленьком приезде мальчишке, но тетя Люба сказала, что таких не встречала.

Во-вторых, домой Наташа несла целый килограмм мармелада, и душа сладкоежки чрезвычайно радовалась покупке.

А в-третьих, в воздухе витало нечто невероятно приятное, легкое. Волнующе нежно пахло листвой и травами. Не досаждали комары. Яркие бабочки, словно танцовщицы в балльном танце, грациозно кружили над клумбами.

Наташа так на них засмотрелась, что не заметила, как налетела на идущего навстречу парня. Она только хотела извиниться, но застыла с приоткрытым ртом.

Перед ней стоял Кир, растянувший тонкие губы в довольной ухмылке. Одет он был словно с чужого и не слишком щедрого плеча. В светлую рубашку, манжеты которой не доходили до запястья сантиметра на два, и в брюки на пару размеров больше необходимого, подогнутые в штанинах, а

на поясе затянутые ремнем.

– Ой, – смутилась Наташа. – Привет.

– Кого я вижу! – Старый знакомый хлопнул в ладоши. – Не забыла меня?

Кир не выглядел особо изумленным. Вел себя так спокойно, будто в прошлый раз они попивали чай с конфетами, а не провели ночь с призраком.

– Тебя забудешь... По ночам просыпаюсь в холодном поту.

– Шутишь?

– Приукрашиваю, – легко согласилась Наташа. – Все равно, странно в тот раз получилось. И страшновато.

– Согласен, – Кир повел плечами. – Мне стыдно, что на тебя все это обрушилось. Я ж не знал, что вытье приглянешься именно ты. Простишь меня?

Наташа махнула рукой.

– Забыли! Что у тебя новенького?

Кир рассмеялся, а после ухватил заползшего на ворот жука и сдул его с ладони.

– Ты и старого-то не знаешь, – заявил он.

Беседа не клеилась. Ну не о погоде же разговаривать, в самом деле! Наташа прикусила краешек губы. О чем же говорить с ним?..

– О! – вспомнила она. – Я видела домового!

После чего кратко описала Лютого. Затем вспомнила о чудесах, произошедших в лесу. Общение разом потеплело.

Кир, наблюдая за жестикуляцией девочки, хохотал и называл случившееся проделками лешего. Лесовик, как оказалось, был охоч до выкраденного у деревенских мужиков самогона, а после распевал с макушки ели непристойные частушки и пакостил грибникам, пряча все съедобные грибы. Но Наташа ему, видимо, приглянулась – вот он и расщедрился.

– Я так хотела тебя увидеть, – окончательно осмелев, ляпнула она. – Не подумай чего, просто ты открыл для меня столько нового.

– Если есть время и желание, открою что-нибудь еще.

И он лукаво подмигнул.

Девочка нетерпеливо завертелась на месте. Еще немного – непременно заплясала бы от радости. Рядом просигналила машина. Кир потянул за собой зазевавшуюся Наташу, и они отпрыгнули с середины дороги. Автомобиль пролетел, обдав их дорожной пылью.

– Я согласна! Куда? Когда?

– Ничего себе. Такого энтузиазма я не ожидал. Ну, может, завтра... – Кир посмотрел на небо и добавил: – Часика в три, как пройдет сегодняшний дождь.

– А он будет?

Погода к дождю не располагала. Ни единого облачка. Тепло, но не душно. Безветренно. Воробьи в песке не купаются. В общем, никаких признаков подступающего ненастья. Вся неделя была такой же жаркой и солнечной.

– С вечера пойдет, – уверенным тоном ответил Кир, будто

в свободное время подрабатывал метеорологом. – Слушай, я ведь знаю, где ты живешь. Я зайду к тебе после обеда?

– Отлично.

– Тогда до завтра. Пока.

– Ага, пока. – Наташа призадумалась. – Постой, Кир, а ты сам где живешь?

– Там. – Он ткнул пальцем в сторону леса.

Где там? В Малых рощах? Или в Озерцово? Или где-то дальше, за лесом? Уточнять Наташа постеснялась – вдруг посчитает ее назойливой.

Ничто не могло испортить этот изумительный день.

А в шесть часов вечера деревню накрыл ливень. Начался он тихо, без дикого завывания ветров или похолодания. Вначале на землю упало несколько робких капель. После, когда небо заволкло похожей на плотную серую шаль тучей, дождь хлынул как из ведра. Вскоре из-за стены низвергающейся воды не было видно ничего вокруг. Через огромные лужи приходилось перепрыгивать, но это не спасало – в ботинках и так чавкало от воды. Люди попрятались в домах, улицы опустели. Только парочка счастливых беспризорных псов носилась по грязи с радостным лаем. Хоть кому-то непогода принесла удовольствие.

Наташа сидела около приоткрытого окна, глубоко вдыхая посвежевший воздух. Ну, Кир, ну дает! Угадал ведь!

Серебряной стрелой сверкнула молния. Вдалеке разъяренным рыком отозвался гром. Собаки испуганно завyli,

попрятавшись под кустами.

За стеной ругалась бабушка, у которой дождь залил клумбы с недавно распустившимися бутонами астры. Дедушка из-за ливня не смог покрасить забор и теперь не слишком правдоподобно возмущался, попутно намекая, что вряд ли продолжит работу завтра – не сможет красить не высохшие за ночь доски.

Наташа закрыла окно и улеглась на кровать с книжкой, заслушавшись дробным стуком дождя. Поплотнее укуталась в одеяло, положила рядом изрядно опустевший пакет с мармеладом. И только развернула нужную страницу, как раздался пронзительный чих. Девочка от неожиданности дернулась, порезала о край листа палец.

– Растяпа, – вместо приветствия заключил вылезший из-под шкафа Лютый. – Ты б хоть полы изредка драила, что ли.

Он стряхнул налипшую на уши паутину и одернул топорщащуюся курточку.

– Чего глазеешь? – продолжил домовой, взбираясь по покрывалу на кровать, как альпинист по скале. – Целый день звала, а теперь zenки вытаращила. Нет, чтоб поприветствовать доброго друга.

Момент для встречи показался Наташе неподходящим. Рядом же бабушка с дедушкой. А вдруг услышат?!

– Неожиданно ты, я и не ждала. Не боишься, что нас рассекретят?

– Я? Боюсь?! Пф, да я самый неожиданный и храбрый, –

парировал домовой. – И кого бояться? Твоей бабки? Столько лет не замечала, а тут увидит?

– Услышит, – поправила Наташа.

– Да она скорее решит, что внучка сама с собой треплется! – И Лютый покрутил пальцем у виска, намекая то ли на Наташу, то ли на ее бабушку.

– Пусть так... Как поживаешь? – осторожно поинтересовалась Наташа.

Она попробовала незаметно обтереть порезанный палец о покрывало, да только от зоркого глаза домового движение не укрылось.

– Плохо. С тобой вот вынужден общаться. Фу, грязнуля.

– Так и не общался бы, – хмыкнула Наташа. – Ишь, цаца выискалась.

– Мне нечем заняться, – признался Лютый. – Телевизор в грозу не работает, радио – тоже, родственники твои скучны до безобразия. Может, ты чем порадуешь? Вкусненьким, например?

– Сала нет.

Домовой подпер кулаком пухлую щеку.

– Жадная.

– Какая есть. Да не дуйся, – она погладила Лютого по лысому затылку указательным пальцем. – Слушай, а как ты вообще живешь? Совсем один?

Нахохлившийся домовой скинул Наташин палец с плеча.

– Почему это один? Другие домовики не против поляля-

кать за жизнь; с птичками интересно трещать, они везде летают и все знают. С червяком не особо наговоришься, правда. А чего взять с того, у кого даже головы толком нет – один хвост. И с этой дурындой, – Лютый презрительно указал на спящую у стола кошку, – изредка получается продуктивная беседа. От как!

– Ты понимаешь язык животных?

– Да как нефиг делать! – Домовой горделиво выпятил грудь, но, услышав очередной раскат грома, сжался и заохал.

Мир становился все чуднее и чуднее. Интересно, и о чем между собой беседуют животные? Может, кошки с собаками не глупее людей? А то и умнее некоторых.

Наташу передернуло. Получается, теперь и комара прибить без угрызания совести не получится – он же мыслит и умеет говорить. И как теперь быть, хоронить каждую невинно убиенную мушку?

– И что они говорят? – допытывалась Наташа.

– Смотря кто.

– Ну, комары хотя бы.

– Обычно-то? Вж-ж-ж-ж. – Для красочности Лютый добавил к жужжанию частые взмахи руками словно крыльями. – Чего с тобой?

– Я запуталась, – призналась Наташа, скорчив недовольную рожицу. – Они по-настоящему общаются или ты просто издеваешься?

Домовой презрительно фыркнул. Дескать, кто бы сомневался, что не по твоему уму задачка. Объяснять он ничего не стал, только напустил тумана загадочным прищуром и неоднозначным пожатием плеч.

– Лютый, а какие есть существа? – опустив предыдущий вопрос, спросила Наташа. – Ну, из вашего мира?

Она, скрестив ноги и облокотившись о стену, уселась поудобнее. Домовой по-хозяйски разлегся на высокой подушке. Чумазые пятки оставили на наволочке следы. Отвечать он не торопился, наоборот, выжидал до последнего. А когда Наташа нетерпеливо заерзала, бросил с безразличием:

– Зачем тебе это, девчонка?

– Интересно.

– Любопытство дурных губит.

– Я не дурная, – оскорбилась Наташа.

– Значит, двуличная, – продолжил нападение тот, с удовольствием потянувшись. Швы на куртке затрещали.

– Почему?!

– Волосы рыжие. Что в народе говорят? Правильно, все рыжеволосые – лицемеры.

– По-моему, ты это сам придумал, причем только что. Ну а о тебе что в народе говорят?

Лютый поскреб лысую голову и, помедлив, принялся яростно расчесывать остальные части тела. Со стороны казалось, будто домового одолело полчище блох.

– А я – единственный в своем роде, – наконец нашелся он.

– Ясно, хвастовство чистой воды.

Наташа легонько толкнула Лютого пальцем. Домовой упал на спину и заохал.

– Эй! Больно же!

– Чтоб не зазнавался. Ты о существах говорить будешь?

– Ну а чего говорить? Есть и есть.

– Кто?

– Да все!

Легче не стало. Наташа окончательно запуталась. Все – это кто? И кикиморы, и лешие, и бесы, и драконы, и оборотни с вампирами? Или все – это один противный домовый да уже исчезнувшая выть?

– А жар-птицы? – спросила Наташа первое, что пришло в голову.

– Те, у которых перья обжигают?

– Угу.

– Ха! – загоготал Лютый, аж свалившись с подушки. – Чушь собачья. Сказки, понимаешь? Сказ-ки.

– Не понимаю. Ты сам сказал, что существуют абсолютно все!

– Все, кроме птичек. Не, вру, – он выдержал очередную паузу, после которой хихикнул: – Курицы есть. Подождешь – обожгут.

– Не смешно, – Наташа в задумчивости прикусила палец. – О, а папоротник цветет?

– У тебя плохие познания о существах. Это, как бы, рас-

тение.

– Прекрати издеваться!

– Цветет. Но редко.

– И под ним, как пишут в книжках, можно найти клад?

– Если ты там его предварительно закопаешь – можно.

– Злой ты, – сказала Наташа и отвернулась.

– А ты жадная, – напомнил домовый и аккуратно слез с кровати на пол. А потом забрался за тумбочку. Он немного пошевелился и повздыхал, но вскоре затих.

Очевидно, продолжать беседу он не желает.

Не слишком-то и хотелось.

Глава 9

Так ли безобидны русалки?

Дождь шел всю ночь. Нескончаемой дробью барабанил по крыше, стучался в стекла. Подвывал, словно израненный зверь, ветер. Ветки деревьев со свистом бились о стены. Молнии озаряли улицу серебристыми вспышками.

В темноте предметы приобрели злое очертания, и зажмурившаяся до точек в глазах Наташа сжимала края одеяла. Изредка она, приоткрыв один глаз, смотрела на настольные часы, цифры которых светились ярким алым цветом. Утро никак не наступало.

А когда на небо все-таки выползло сонное солнышко, стихия разом успокоилась. Как веником смело.

После завтрака Наташа вышла на улицу, сделала вялую зарядку и плюхнулась в беседку. На лавочке лежал кулек с тыквенными семечками, чудом не залитыми дождем. Время текло медленно, цифра одиннадцать на мобильном телефоне неохотно сменилась двенадцатью. Кучка шелухи росла. Несколько следующих часов ничегонеделания девочка вынести попросту не могла.

– Бабуль, чем-нибудь помочь? – крикнула она.

– Нет уж, спасибо, – отказалась возящаяся в парнике бабушка. – Хватит нам и без тебя неурожая.

– Ну, ба-а-б!

Раиса Петровна вышла к внучке.

– Опять скучаешь?

– Мне б только часиков до трех чем-нибудь заняться. Потом уйду гулять.

– Почитай книжку.

– Все прочитано.

– Так уж и все? Тебе достать с чердака «Капитал» Маркса? Четыре тома.

Наташа испуганно посмотрела на лукаво прищурившуюся бабушку.

– Нетушки. Я лучше поскучаю.

– Дело твое.

И ушла обратно к томящимся под пленкой огурцам.

Наташа покрутила головой в поисках приключений. О! Под столом валялся журнал с кроссвордами, а внутри – ручка. Бумага от воды пошла волнами, но краска не потекла, и буквы читались. Впрочем, вопросы оказались мудреные, сложные, и желание разгадать хоть что-то быстро сошло на нет. В итоге Наташа просто рисовала закорючки. Вообще-то они должны были стать то изящным женским профилем, то округлым лицом домового, но рисовала Наташа плохо, поэтому ничего дельного не получилось.

Ленивые цифры превратились в «тринадцать».

– Бабуль! – вновь позвала Наташа. – Тебе ничего в магазине не надо?

– Нет, – со смешком ответила бабушка. – Со-о-всем ни-

чего не надо.

– Блин. А деду?

– То, что надо деду, тебе не продадут, – тоскливо отозвался дедушка, лениво водящий валиком по доске забора. Видимо, бабушка заставила его закончить начатую работу, несмотря на лужи и сырость.

– Может, тебе помочь? – решила Наталья, хотя не переносила едкого запаха краски.

– Если не лень – давай.

Дед торжественно вручил ей наскоро сляпанную из газеты шапочку, валик и ведро с синей краской.

– Переделась бы хоть – замызгаешься, – пробурчала бабушка, погрозив мужу кулаком. – Ну и лентяй, эксплуатируешь ребенка!

– Ей полезно, – не согласился дедушка.

– Не замызгаюсь, – одновременно с этим уверила Наталья.

Дело пошло, пускай и медленно. Джинсы она, конечно, заляпала, но те давно разонравились, поэтому не жалко.

– Седьмая есть! – гордо крикнул дедушка.

– А у меня – девять.

Дед присвистнул.

– Метеор. Давай на спор? Кто покрасит больше, тот получит брикет мороженого.

– Какого? – азартно уточнила Наталья.

– Любого.

– По рукам!

Они замахали валиками так быстро, что внешняя сторона была докрашена не к воскресенью (как обещал дедушка), а спустя полтора часа.

Наташа очнулась лишь тогда, когда на ее плечо легла чья-то ладонь.

– Мамочки! – взвизгнула она, отпихивая руку. – Ты зачем меня пугаешь?!

– Прости, пожалуйста. Хотел сюрприз сделать, – смутился Кир, осматривая перепачканную Наташу. – Красота.

Девочка заулыбалась, не заметив ехидства в его голосе.

– Мы идем гулять? – спросила она боязливо.

– Идем. Советую надеть резиновые сапоги – в лесу мокро.

– Значит, в лес?

– А куда еще? Кладбище я приберегу на потом.

– Надеюсь, ты шутишь...

Ноги затекли от сидения на корточках. И Наташа побрела к калитке, трясая то одной, то второй.

– Подождать тебя? – спросил Кир, идя рядом с ней.

– Можешь познакомиться с моими стариками.

Согласия она не ждала – знала, как мальчишки не любят общаться со старшим поколением. Но Кир, кивнув, вошел во двор следом за Наташей. И даже – невероятно! – спросил имя бабушки с дедушкой. В общем, повел себя самым неожиданным – джентльменским, что ли! – образом.

Наташа собралась с молниеносной скоростью. Правда, долго оттирала краску с носа и щеки. Затем она поправи-

ла выбившуюся из хвостика прядку волос и пошла за Ки-
ром. Мальчик нашелся на веранде, уплетающий блестящие
от масла блины.

– Я Кирюшу покормить решила, – с умилением призна-
лась бабушка, завидев внуку. – А то знаю вас. Ничего не
покушаете, а потом ходите да животами урчите, болячки за-
рабатываете.

– Шпашибо, ошень вкусно, – вставил довольный Кир.

Наташа хихикнула и сделала из блинчика рожок, а затем
от души плюхнула внутрь сметаны.

Гулять они отправились лишь тогда, когда с тарелки ис-
чез последний блин. Сытые до тошноты, они шурились под
лучами ленивого солнца.

– Ты извини, что отдала тебя на растерзание родне, – ска-
зала Наташа, почесываясь.

К шоссе они вышли, перебравшись через чей-то запущен-
ный огород. Путь-то сократили, но не учли, что единствен-
ным растением, прижившимся на участке, окажутся высокие
заросли крапивы. Поэтому теперь Наташу одолевала дикая
чесотка. Кир мужественно держался и не почесал себя ни
разу.

– Ха! Шутишь? Я никогда не ел блинов, – покраснел Кир.

– Твои родители их не готовят?

– Родители, – повторил Кир, будто пробуя слово на вкус. –

Честно говоря, я не знаю... есть ли они вообще...

– Ой... – только и смогла ответить Наташа.

«Молодец, – она тут же принялась себя корить. – Задала неуместный вопрос. Теперь отдувайся».

– Я живу с родственниками, – пояснил мальчик. – Не самыми близкими, но мы все как одно целое. Семья – она и есть семья. Эй, не хмурься.

– Просто не знала... Вот и спросила, а ты... Извини...

– Прекрати думать о глупостях. Нам туда.

Мальчик ткнул пальцем на едва протоптанную тропку. Рядом с той находился замечательный ориентир – придорожный указатель «Еловый бор – 5 км».

И да, Кир оказался прав. В лесу творилось незнамо что. Земля размокла и превратилась в одно сплошное месиво. Наташа несколько раз чуть не поскользнулась на вязкой грязи, но чудом умудрялась устоять, размахивая для баланса руками. Удивительно, но Кир шел уверенно, с ловкостью минуя кочки и выпирающие корни. Как он умудрялся не проваливаться в грязь и даже оставлять кроссовки практически чистыми? Объяснение напрашивалось само по себе: некоторым просто везет.

Сначала они говорили обо всем сразу и ни о чем. Шутили, ехидничали, рассказывали какие-то курьезы, связанные с деревней или лесом. Но потом замолчали.

– Объясни, – Наташа прервала долгую паузу, – откуда ты знаешь про все это? Ну, духи, приключения? Только не говори, что из книжек.

– И не стану. От тех самых родственников, – не оборачи-

ваясь, ответил идущий впереди Кир. – Аккуратнее, не упади.

– И что они рассказывали?

И тут Наташа запнулась о корень, с трудом сохранила равновесие и разозлилась на саму себя. Каким-то образом мальчик не просто следил за дорогой, но и предугадывал движения Наташи. А она только и могла, что падать на ровном месте!

– Ничего особенного. Больше показывали. И я запоминал.

– А почему ты так хорошо знаешь лес? – допытывалась Наташа.

– Иди сюда. – Кир с улыбкой посмотрел на неуклюжую девочку и выставил локоть, за который та и ухватилась. – Ну а ответ прост: я частенько здесь бываю.

Наверное, именно сейчас, вцепившись в руку Кира, Наташа и поняла, что из приятеля он неожиданно превратился в самого настоящего друга. Как там говорилось в народной мудрости? «Только друг способен поддержать в трудную минуту»? Народ, правда, не уточнил: физически или морально, но Наташе хватило и первого.

– Зачем?

– Просто так.

Ответ не раскрывал всех тайн. Наташа тоже иногда забиралась с Димой в глубь чащобы, но по сей день терялась в трех соснах. Как можно запомнить путь, которого попросту нет? Найти дорогу в сплошных деревьях, причем растущих хаотично. Наташа так и не смогла запомнить и понять, с ка-

кой стороны света растет мох и что мешает ему расти в другом месте.

Кир не плутал; не высматривал поваленные березы или валуны для ориентировки; не ругался, как Дима, – тот всегда злился, если выбредал не туда, куда следует. Кир просто не ошибался. Но разве это возможно – выучить лес наизусть?

– Почти пришли, – оповестил парень, вырвав Наташу из размышлений. – И очередное предупреждение: будь пожеливее.

– С кем? – напряглась она, мигом представив десяток недружелюбно настроенных духов.

– Я не сказал? – Он хлопнул себя по лбу. – Во дурак! С русалками.

– С кем?! – протянула Наташа. – Ты не врешь?

– Делать мне нечего. Ты, главное, не груби, не хами и, по возможности, хвали их. Они до жути самовлюбленные бабышны.

И Кир отвел руками в сторону тяжелые ветви старой ели, осыпав и себя, и Наташу засохшими иголками. Деревья прятали за собой заболоченное озеро, полное цветущих кувшинок и окаймленное тиной. Посреди мутной воды находился позеленевший ото мха валун. Запах здесь стоял соответствующий: резкий и гнилостный. До сего момента он перебивался свежестью после дождя, но подойдя к озеру вплотную, Наташа поняла, что дышать невозможно.

– Эй, – задорно свистнул Кир, – Тина, Марина! Девчонки!

По воде пошли круги, затем, после звонкого всплеска, наружу высунулась оплывшая морда, в которой проступали женские черты. У существа были длинные ресницы, пухлые бесцветные губы и маленький приплюснутый носик. Наташа с трудом поборолa тошноту: вынырнувшая по пояс русалка напоминала утопленницу из фильма ужасов. Длинные черные волосы липли к голому синеватому телу, зрачки затянулись серой пленкой. Дамочка была такая тучная, точно сошла с картин мастеров эпохи Возрождения. Кажется, тогда художники обожали рисовать ну очень упитанных женщин.

– Вот наглец, – погрозила русалка похожим на сардельку пальцем, обращаясь к Киру, – думаешь, мы по первому твоему зову должны выплывать?

– Марин, такой красотке, как ты, не идет злиться, – подмигнул он. – Познакомься, это Наташа.

И подпихнул девочку ближе к озеру.

– О-очень приятно, – промямлила Наташа, не решаясь поднять глаз.

– Ух! Тина, айда сюда. Хватит дрыхнуть! – В Марине проснулось непонятное Наташе веселье. – Погляди-ка! Кир притащил с собой такое!

И русалка забила руками по водной глади. Брызги полетели во все стороны, поверхность озера вспузырилась.

Наташу подмывало уточнить, уж не являлась ли она тем самым *таким*. Но и так понятно, что является – зачем дополнительное огорчение? Девочка рассматривала Марину из-

под опущенных ресниц. На старинных гобеленах русалки изображались все как одна: тоненькими загадочными обольстительницами. Они расчесывали пушистые копны волос костяными гребнями и улыбались алыми губами. В сказках заливались похожим на звон хрусталя смехом, из голоса их лился сладкий мед. Реальность оказалась страшнее. Впрочем, Наташа понимала, что любой утопленник, полежавший на дне озера несколько дней – а если лет? – вряд ли получится симпатичнее.

В паре метров от Марины появилась вторая русалка. Худящая блондинка, щеки которой впали и истончились настолько, что сквозь кожу проглядывались челюсти. А ребра можно было пересчитать взглядом, как у скелета в кабинете биологии. Она чуть не высверлила в Наташе глазами дыру, но, завидев Кира, сменила выражение лица на жеманное.

– О, к нам пожаловал сам хранитель... – Голос Тины напоминал чириканье.

– Кто? – негромко переспросила Наташа, а Кир скорчил непонимающую гримасу.

– Сейчас узнаем, – заверил он и обратился к блондинке: – И что же я охраняю?

Русалки понимающе, даже, наверное, сочувственно переглянулись по известной только им причине.

– Наше болото, конечно. Нам так не хватает красивого охранника-мужчины. Мы без них вянем, – кокетливым жестом убрав с лица локон волос, проворковала Тина.

– Чем не устраивает водяной?

Кир расстелил свою куртку возле самой воды и кивком предложил Наташе присесть. Та вначале застеснялась, но после умостила на половине, оставив вторую для друга.

Русалки подплыли – казалось, подошли, потому как руками они не гребли – поближе. Миг, и они очутились на расстоянии метра от ребят.

– Он толстый, нудный и постоянно булькает, – отмахнулась Марина. – Ой, а что с тобой за прелестница? Наташа, говоришь?

– Наташка-пташка, – сказала Тина, скривив губы. – И как дела у Пташки? Зачем пришла?

– Вас хотела увидеть, – потупилась «прелестница».

На всякий случай она прижалась поплотнее к Киру.

– Мы тебе зверюшки, что ли? – разом надулась Марина. – Поглазеть решила, ушлая какая нашлась. Вначале ходят тут всякие, а потом с болота сокровища пропадают!

– Какие? – с хихиканьем встрял Кир.

– Драгоценные! – поддержала подругу Тина, скрестив тощие, как веточки, руки под грудью.

– Песок с камнями?

– Помолчал бы! – Блондинка плеснула водой в Кира, но попала только на Наташу. – Ну что, насмотрелась, Пташка? Что скажешь?

– Что вы прекрасны, – нашлась девочка, за что получила одобрителный кивок от друга.

Русалки хрипловато захохотали. Их чешуйчатые, словно состоящие из серебряных монет, хвосты забили по воде, затянутой пленкой водорослей.

– Ты тоже ничего. Не хочешь пополнить наши ряды?

– А что для этого нужно?

– Всего лишь утопиться, – опять влез Кир. – Не хочет.

– Ты за нее не отвечай. А то не посмотрим, что ты такой милашка. – Марина оскалилась. – Возьмем и утопим.

– Сможете ли?

– Не веришь?

– Не-а, – он упер руки в боки.

Русалки прыснули и зашлись от смеха. Тина ловко схватила Кира за левую ногу и потянула на себя. Вначале под водой скрылся соскользнувший кроссовок, а после и Кир, которого в четыре руки тащили за штанины. На поверхности появилась стайка пузырьков. Онемев от неожиданности и ужаса на пару секунд, Наташа заверещала и сидя попятилась прочь от воды.

– Чего орешь? Не помрет он, – «успокоила» Марина, встряхнув волосами.

И действительно, Кир, отпихнув повисшую на нем Тину, выплыл наружу. И под гогот кружащихся вокруг валуна подруг вернулся к Наташе. Русалки продолжали своеобразный танец, добавив к движениям не слишком слаженную песенку.

С нами лучше не шути! Всякое видали!
Не такие молодцы через день всплывали!
И вообще: орешь ты зря, будто мы злорадные!
Мы скорей чуть-чуть того... Малость кровожадные!

– Ты как? Ничего не болит? – перекрикивая русалок, вопрошала Наташа. – Переоденься,ними рубашку. Замерзнешь. Заболеешь.

– Все хорошо.

Но, подумав, Кир поднял с земли куртку и ушел за деревья, откуда раздался его недовольный вздох:

– И что теперь делать?

– Ходи голый, – посоветовала Тина. – Подружка не против?

Наташа отрицательно завертела головой. Только этого не хватало!

– Значит, не против, – по-своему рассудила русалка.

– Ну чего глазеешь, Пташка? – Марина прищурилась, став похожей на утонувшую свинью. – Не бойся, жить будет.

– Сам напросился, – нарочито громко поддакнула блондинка.

– Ну-ну, – пыхтел вдали Кир, – смотрите, осушат когда-нибудь ваше болотце.

– Это ты – болотце, – Тина закатила глаза к небу. – А у нас – озеро. И не осушат. Кто? Великие и ужасные духи-хранители?

– Да хотя бы они.

– Ка-а-анешна! – Голоса опять потонули в смехе. – Вот станешь им и суши на здоровье. Кого хочешь. А пока не бурчи.

Наташа переводила взгляд с одной русалки на другую. И неожиданно поняла, что, наверное, те могли бы пользоваться у мужского пола невиданным спросом. Фигура-то у обеих идеальная – песочные часы: грудь округлая, талия есть – даже у безразмерной с виду Марины. Спина прямая настолько, будто кол проглотили. И волосы длинные, красивые – вычесать бы из них всякий сор.

– Ну чего, Пташка? – вспомнила о девочке светловолосая. – О чем думы думаешь?

– Вы меня, пожалуйста, не топите. Я плохо плаваю.

Губы подруг одинаково лукаво изогнулись, но к Наташе русалки не потянулись. Да и та держалась за два метра от воды, чтобы уж наверняка.

Через пять минут вернулся Кир, переодевшийся в непонятно где найденные сухие вещи. На Наташин немой вопрос он ткнул пальцем в рюкзак за плечами.

– Не видела у тебя его, – попыталась припомнить Наташа.

– Плохо смотрела. Я-то знал, что от этих стоит ждать только подлянки.

– Сам виноват, – единогласно отозвались подруги.

– Больше безобразничать не будете? – Впрочем, Кир, не дождавшись ответа, снова уселся на примятом месте. Рядом он разложил мокрую одежду.

Немного подумав, к нему подсела Наташа. Вроде опасности не предвещалось. И дальше разговор потек непринужденнее.

Глава 10

Дружба – что это?

Обратно друзья возвращались поздним вечером, когда на небе разлились фиолетово-черные краски. Полная луна освещала верхушки деревьев. Рядом с ней – будто отколовшийся кусочек ночного светила – горела одинокая звезда.

Прощаясь, русалки зазывали Наташу к себе на болото еще раз, заверяя ее в том, что им всегда приятно пообщаться с умным человеком. И даже тот факт, что «умный человек» весь день, в основном, молчал, не смутил подружек. Понравилась, и все тут! Напоследок подружки кричали вслед уходящим ребятам наспех придуманные стишки, причем некоторые были настолько грубыми, что Наташа покрылась пунцовым румянцем. Зычные голоса стали неразличимы только тогда, когда озеро осталось далеко позади.

Лес то редел, то превращался в непроглядную чащу. Девочка стискивала запястье Кира ногтями, потому как вместо силуэтов деревьев ей мерещились жуткие тени.

– А им нравится быть русалками? – спрашивала она, стуча зубами.

– Как видишь.

– Но... Ты говорил, что для этого нужно утопиться. Добровольно?

– Угу, – зевнув, ответил мальчик.

– Бедные... А чем они питаются?

– Они же мертвые – к чему им? – напомнил Кир, от чего Наташа задрожала.

Не из-за русалок, просто недоброе слово в почти полной тишине звучало вдвойне жутко. Животные с птицами помалкивали. Будто затаились. И только ветер задувал за ворот, насвистывал в ушах безрадостный мотив.

– Как думаешь, они не скучают?

– Вряд ли, – Кир хмыкнул. – У них куча развлечений – под озером есть проход, ведущий к большой реке. Там много собеседников: водяной, другие русалки, кикиморы. Последние, конечно, особым дружелюбием не отличаются, но девочки их с удовольствием гоняют. Просто наши Тина с Мариной этот туннель специально закрывают камнями – нравится им одиночество.

– Вы давно знакомы? – почесав подбородок, продолжила Наташа. Слово «наши» ей почему-то не понравилось, но как-то неосознанно. Кольнула иголочка в груди, и не более того. Кир призадумался.

– По-моему, с Мариной – всю мою жизнь. Той уже под двести. Тина утопилась недавно – года четыре назад.

У Наташи промелькнула мысль: может, потому Марина и толще? Разбухла от длительного пребывания в воде, если такое возможно. Правда, неестественную худобу Тины это не объясняло.

– А почему Тина убила себя?

Марина свою историю рассказала днем. Ей было проще: она с самого начала верила в мифы о русалках и пошла к реке целенаправленно. После, по ее словам, долго измывалась над водяным, который отказывался принимать в дружные речные ряды новенького члена.

– Только ей не признавайся, что я тебе ее тайну открыл. Тина своего поступка стыдится. А дело простое: поддалась на уговоры Маринки, – и, не дожидаясь вопроса, объяснил: – Пришла поплакаться в лес, когда ее жених бросил. Села у озера, а там наша... красotka. Заболтала Тину, дескать, и жизнь человеческая бесполезна, и русалкой быть интереснее. Ну, та с горя и согласилась.

– Ой, ужас какой. Как Марине не стыдно?

– Каждый выживает, как может. Марине было скучно одной, а Тина ей понравилась. Да и ладно, живет себе, плескается. По-моему, ей нравится.

– Слушай, а то, что они меня приглашали... Если я приду... Меня не...

– Не, тебя им трогать незачем, – заверил Кир. – Раз позвали – значит, от чистого сердца. Главное – без меня не ходи, а то заблудишься.

Наташа горячо заверила, что одна никуда не пойдет. С Киrom и интереснее, и безопаснее.

Лес кончился. Свет от фар промелькнувшего автомобиля на секунду ослепил Наташу. Показалось шоссе, длинной змеей разделившее лес на две половины. По нему и пошли к

деревне. Девочка не замолкала, а Кир отвечал охотно и весело. Они незаметно сблизились, и если совсем недавно Наташа его стеснялась, то теперь сама хватала парня за руку, если чего-то боялась. И подтрунивала над ним изредка, какой-то он был непросвещенный. Блокбастеров не смотрел, на шумевших сериалов не видел. Ну да Кир и не обижался.

Наташа словно нашла «своего» человека. Таким раньше был Дима, но сейчас общение с ним давалось нелегко. Конечно, стыдно – заменила одного друга другим. Но разве сердцу прикажешь? Кир понятнее, живее, честнее, его не надо делить с Ирой Смеловой или кем-то другим. И он очень удачно подвернулся под руку.

Друзья – они такие. Сваливаются на голову, забыв спросить разрешения. С одноклассницами Наташа вела себя ровно, но без особого доверия. Ограничивалась общением в школе, секретами не делилась и гулять не ходила. В Камелево же у нее было аж два друга, да еще каких. Самых-самых.

В деревне практически все спали. Желтоватым приглушенным светом горело всего три-четыре окна на всю улицу. Попалась одна компания, которая сидела в беседке и слушала музыку. Наташа прошла мимо, сжавшись от страха. Боялась, что среди гомонящих мальчишек окажется Дима. И как ему объяснить, что она делает в половине одиннадцатого вечера с едва знакомым парнем? Это для Наташи Кир стал другом, а для Димы так и остался «ненормальным».

Но обошлось без неприятных встреч.

Прощание получилось скомканным и немногословным. Наташа закрыла за собой входную дверь и, аккуратно отодвинув от окна веранды занавеску, увидела стоящего у калитки друга. Почему же он не ушел?! Вдруг что-то забыл или хотел сказать?

Была – не была! Наташа выбежала к нему.

– Ты чего? – шепнула она.

Кир заулыбался. Словно знал, что она не выдержит и вернется, а теперь праздновал небольшую победу.

– Мы еще встретимся?

– Нехорошо отвечать вопросом на вопрос, – обиженно заявила Наташа. – Но я бы не отказалась.

– Тогда я как-нибудь зайду?

«Не как-нибудь, а как можно быстрее!» – молоточком застучало внутри, но сказать это Наташа не рискнула. Только кивнула.

– Отлично. Ну, доброй ночи тогда.

– Тебе тоже. Подожди. – Она схватила Кира за рукав. – Чего в такую темень домой идти? Может, останешься? Постелю на веранде, если хочешь. Бабушка ругаться не станет – поймет.

– Не бойся ты за меня, не потеряюсь.

– Тебе вообще далеко?

– Не слишком, – вывернулся Кир.

– Ладно. – Хоть совесть и глодала, но Наташа сдалась. – Тогда пока...

И она, покраснев до кончиков волос, неумело то ли поцеловала, то ли клюнула друга в щеку. Тот шутливо округлил глаза, приложив ладонь к месту поцелуя. А после расхохотался.

– До встречи.

– Надеюсь, скорой, – прошептала Наташа самой себе, когда силуэт Кира затерялся в густой тьме.

Живот тягостно заурчал. В холодильнике нашелся гуляш, и голодная Наташа ела холодное мясо прямо из кастрюльки. За этим занятием ее и застала бабушка.

– Ну и ребенок! – Она зевнула. – Что за моду взяла – ходить непонятно где до ночи? Раньше так хорошо было: сидите с Димой дома, в приставку играете. А теперь?

– А теперь я выросла, – повела плечами Наташа. – Ты чего не спишь?

– Да кое-кто так бренчит посудой, что мертвого разбудит. К тому же я тревожилась, все ли нормально. Итак, что за человек этот Кирилл?

Раиса Петровна достала из шкафчика тарелку и, отобрав у внучки кастрюлю, вывалила туда остатки мяса и пододвинула к Наташе. Та поковырялась вилкой и вздохнула.

– По-моему, вы с дедом ему допрос устроили и больше моего знаете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.